

Галина
Череди́й

Крылья
мглы

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

книга 1

18+

Крылья мглы

Галина Чередий

Крылья мглы

«Галина Чередий»

2018

Чередий Г. В.

Крылья мглы / Г. В. Чередий — «Галина Чередий»,
2018 — (Крылья мглы)

Летти Войт – социопатка и серийная убийца или девушка с обостренным чувством справедливости и комплексом защитницы слабых духом и телом? Потомки драконов – образцы добродетели, спасители или коварные эгоистичные создания, играющие только на своей стороне? Жуткие твари из Зараженных земель – вероломные захватчики или же создания, обитающие там в силу непреодолимых обстоятельств, притесняемые всеми и вынужденные сражаться за право жить в своих домах и быть собой? Магия – это коварный дар или просто инструмент, и важно лишь то, в чьих руках окажется ее источник? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая. Цитадель	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	41
Глава 12	45
Глава 13	49
Глава 14	53
Глава 15	57
Глава 16	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Часть первая. Цитадель

Глава 1

Двадцать два, двадцать три, двадцать четыре... Мышцы уже разогрелись и начали отвечать желанной болью. Волосы на затылке повлажнели, запах общей затхлости, сыреющего цементного пола и стен, канализации, матрасов и тряпья, видевших столько постояльцев, постепенно вытеснялся из сознания, позволяя хоть на миг представить себя в другом месте. Каком угодно, главное – без решеток.

– Seriously, Войт, не понимаю, на кой черт ты каждый день делаешь это, – презрительно фыркнула Лора Каминг, моя соседка по крошечной камере, бывшая шлюха, замочившая своего садиста-сутенера, и редкая стерва, считавшая, очевидно, своим долгом напоминать мне о будущих мрачных перспективах. А может, просто таким образом внушавшая себе, что у нее-то все не так фигово, если сравнить со мной. Делало ли это ее никчемную жизнь счастливее? Как будто мне не по хрен!

Игнорируя ее разглагольствования, просто продолжила отжиматься от грязного пола камеры, не сводя глаз с крошечного зарешеченного окошка. Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь...

– Нет, ну ты реально дура! – возобновила она свой прочувствованный монолог, поворачиваясь на бок на узкой койке. – На кой черт ушатываешься тут? Тебе же никакое чертово чудо уже не поможет! Еще на этапе, наверное, замочат или в первую же ночь в «Итернити». Нечего было сыночку самого Сумрака улыбку от уха до уха на горле рисовать!

Он это заслужил. Заслужил. Все они. Каждый. Двадцать восемь, двадцать девять...

– Войт! На выход! – жирный охранник Ларри шарахнул дубинкой по решетке. – Посетитель!

Я поднялась, утерла пот, уже заученным движением сложила руки за спиной и просунула их в отверстие в двери, позволяя сковать. Сжала зубы, когда этот вечно воняющий чесноком и пивом говнюк сильно дернул наручники, намеренно повреждая едва поджившую с прошлого раза кожу. Он всегда так делал и только впервые, месяц назад, смог застать меня врасплох, заставив вздрогнуть и зашипеть.

– Знаешь, твоя сестрица редкая, конечно, уродина теперь стала, – фыркнул он мне в спину, провожая по коридору, – но если рожу ее порезанную прикрыть, я бы ей вдул. Намекни ей, Войт. Встретится со мной снаружи, постоит в коленно-локтевой немного, а за это я тебе нормальной жарчки подкину.

Гребаная реальность, в которой жертва насилия не заслуживала уважения и сострадания, а являлась объектом для еще большего унижения и насмешек. Только тот, кто жестко бил в ответ и не прощал ни единой обиды, впечатлял и добивался преклонения. Люди, что с нами стало? Внутри все вскипело, но наружу я не позволила прорваться ни капле гнева. Дыхание не сбилось, кулаки не сжались, ни единого слова этому ублюдку в ответ. Нет, я не попадусь на провокацию, не упусти, скорее всего, последний шанс повидаться с сестрой. Еще будет время и возможность – местный карцер мне знаком до каждой мельчайшей трещинки, и там не зудит над душой соседка.

Уперлась безразличным взглядом в покрытый пятнами рыжей плесени зеленый потолок, пока лязгнули замки, выпустив нас в следующий коридор. Несколько десятков шагов, и еще остановка, и еще. Наконец я оказалась в комнате без окон раза в три больше моей камеры, стены здесь были выкрашены потускневшей серебрянкой. Пространство поделено напополам толстым залапанным стеклом с отмыкаемой встроенной маленькой дверкой из очень частой

решетки, через которую не протиснуть и мизинец. Посредине стол, с моей стороны – прикрученный к полу металлический стул, с другой – несколько чуть более удобных пластиковых. Сквозь грязную поверхность со следами десятков чужих ладоней разглядела Ирму, и мое сердце начало частить, как бы я ни приказывала ему прекратить, а в горле запершило до рези в глазах. Нельзя, нельзя расклеиться. Ей нужно будет идти дальше, заново выстраивать свою жизнь, что и так нелегко. Не нужно, чтобы мое искаженное или заплаканное лицо вечно стояло у нее перед глазами. Пусть запомнит меня другой. Сестра подошла к стеклу, положила на него обе ладони, на правой нет безымянного пальца, и я увидела, как без остановки текут слезы по той половине ее лица, что не была скрыта густой завесой темных роскошных волос. Какая же она все-таки красавица, и для меня так и останется. Ничьим безжалостным рукам и зверским поступками не изменить этого.

– Тебе не стоит ко мне ходить, – вместо приветствия сказала я.

– О чем ты говоришь, Летти! – всхлипывая, возмутилась она. – Как бы я могла не прийти!

– Снимите с моей клиентки наручники! – раздался резкий требовательный голос Мары Танс, моего назначенного государством адвоката, и только тогда за спиной сестры я заметила ее грузную фигуру в темно-зеленом брючном костюме. Но я не собиралась отвлекаться от впитывания образа единственного родного человека, чтобы приветствовать ее. Ни черта она для меня на процессе не сделала, даже не пыталась, хотя надо быть честной – вряд ли бы смогла.

– Обещай, что ты никогда не приедешь навещать меня в «Итернити»! – я не просила, а приказывала. И плевать, что из нас двоих именно Ирма была старшей и большую часть жизни она приказывала мне. Все изменилось безвозвратно.

Мои руки освободили и на этот раз аккуратно.

– Летти, у меня для вас есть предложение, которое реально повысит ваши шансы на выживание, – Мара Танс уселась на скрипучий стул и вытащила из своего портфеля какие-то документы, и я нехотя посмотрела в ее сторону. – Ни для кого не секрет, что тюрьма «Итернити», в женское отделение которой вас на днях этапируют, находится под полным негласным контролем Сумрака.

Ага, это только наивные обыватели считали, что глава мощнейшего преступного клана страдал в неволе, отбывая пожизненный срок. В реальности-то все было гораздо интереснее. Ему просто удобнее жилось себе там, в полной безопасности от своих врагов, где якобы отдавал долги обществу и более не участвовал во всем дерьме, что творилось на улицах с его непосредственной подачи. Когда в молодости поимел уже все, что только может возжелаться, дела передал гаденышам-потомкам и верным прихлебателям, оставив за собой решающее слово, чего бы и не провести старость в уютном трехкомнатном узилище, тем более все желаемое тут же будет доставлено с воли. И да, я в курсе, что именно в эту тюрьму меня определили совсем не случайно. Кстати, моя соседка по камере не права. Вряд ли меня ждет быстрая смерть по прибытии. Зачем тогда Сумраку было бы напрягаться и башлять, чтобы заполучить в свое распоряжение убийцу его единственного официально признанного сыночка. Убить меня могли и при задержании, и в изоляторе, и в любой день здесь. Не-е-ет, папаша Сумрак припас для меня нечто особенное, адское и совершенно не быстрое.

– Летти, умоляю, соглашайся! – просила Ирма, хотя я все еще не знала, о чем она говорила. – Это действительно шанс. Хоть какой-то! Что бы там ни было, это лучше, чем то, что уготовано сейчас.

Ожидая пояснений, я посмотрела на Мару Танс, и она начала демонстрировать мне бумаги. Это явно были бланки какого-то магического договора. Я нахмурилась. От магии всегда неприятности. Всегда. Наша с Ирмой мать, не сумев пережить уход отца к юной любовнице, обратилась к ведьме-отщепенке за приворотом. Когда не помогло, пришла за заговором на смерть разлучницы и предателя... Посмотрите, что из этого вышло.

– Корпус Драконьих ликторов в качестве эксперимента набирает добровольцев среди приговоренных к пожизненным срокам или высшей мере для создания воинства низшей ступени, – пояснила адвокатесса, и мои брови невольно поползли вверх.

Драконьи ликторы нуждались в пополнении в виде отребья, которым мы являлись? Да эти заносчивые уб... защитники общества от тьмы и обычных людей-то за ровню не держали, что, в принципе, и верно. Как-никак вели Крылатые свою родословную от самих древнейших драконов.

Так было принято говорить и думать, а сомневаться – ересь.

– А разве не нужно иметь в своих генах, по крайней мере, каплю драконьей крови, чтобы получить право хоть приблизиться к их цитадели? – искренне удивилась я.

– Говорю же – какой-то эксперимент, – раздраженно поморщилась Мара Танс, избегая смотреть мне в глаза и нервным движением поправляя несуществующую, якобы выбившуюся из гладкой прически прядь. – И ты что, в том положении, чтобы перебирать, Летти?

Я быстро пробежалась по пунктам договора. Не так-то их и много. С момента подписания мое тело, время и сама жизнь принадлежали нашему государству и Корпусу в частности. Не особо это отличалось от моего нынешнего положения.

Корпус нельзя покинуть по своей воле, только если тебя демобилизуют, отбракуют или убьют. Ну, считай пожизненно, чего уж душой кривить.

Приказы Драконьих ликторов, они же наши командиры, не обсуждаются и беспрекословно выполняются. При попытке сопротивления они имеют право подвергнуть нас любому наказанию на свое усмотрение. Тоже ничего нового.

В случае гибели в процессе обучения или во время несения службы, Корпус не несет за это никакой юридической и финансовой ответственности, и родственникам никакая компенсация не полагается. Что же, если Сумрак своими или чужими руками прикончит меня, то компенсация тоже Ирме не светит.

Ну и что я в итоге выигрывала? Правильно, шанс не очутиться через несколько дней в лапах садистского уroda, глотку чьего сына я вскрыла, и не подвергнуться всем тем извращенным пыткам, которые он наверняка для меня тщательно придумывал. Конечно, нет гарантий, что в Корпусе у меня будет больше свободы, чем в тюрьме, или что я хоть когда-то покину его состав. Или что тамошние порядки и обращение командиров не будут хуже тюремных. Не просто же так этих самых членов воинства низшей ступени отбирали по тюрьмам среди приговоренных пожизненно и смертников. Но хоть какой-то шанс лучше, чем вообще никакого. Так что отсоси, Сумрак!

– Перо! – протянула я руку Маре, и она вложила в нее серебряный стержень с гравировкой.

Сжала его в ладони, кривясь от жжения и покалывания магии, и размашисто подписала контракт. Колючие невидимые искры промчались от руки к сердцу, оттуда по всему кровотоку, запечатлеваясь в каждой клетке и связывая меня нерушимым обязательством, и вернулись обратно в перо. Бумага поменяла цвет, буквы из черных стали цвета золота, а потом и вовсе пропали, оставляя лист абсолютно пустым.

– Летти, Летти, – всхлипывала рядом сестра уже совсем по-другому, будто от радости, и я тоже позволила себе надежду.

– С этого момента, Летти Войт, ты являешься собственностью Корпуса Драконьих ликторов и для других госслужб неприкосновенна! – торжественно объявила Мара Танс.

– Вот, значит, как? – недобро усмехнулась я и, стремительно развернувшись, прыгнула через всю комнату, прямо на лету впечатывая кулак в мерзкую рожу охранника Ларри. В запястье вспыхнула желанная боль отдачи, он хрюкнул и согнулся, заваливаясь на бок, взвыла сирена, а я от всей души пнула его по яйцам. Еще, и еще. Надеюсь, ущерб будет фатальным.

Влетела дополнительная охрана, сбивая меня с ног, наваливаясь тушами до хруста ребер и заламывая руки, Мара заорала, что они не имеют права меня бить и причинять любой вред по правилам контракта, стала грозить им жуткими карами за нанесение травм новобранцу Корпуса.

– Хочешь потрахаться, Ларри? – зарычала я, изворачиваясь, чтобы полюбоваться его мучениями, и уже чувствуя, как в шею впился дротик с «жидким усмирением». – Так походи и спусти штаны в мужской душевой в банный день, сука! Может, и найдется кто-то, настолько оголодавший, чтобы позариться на твою рыхлую задницу! Это твой единственный сраный шанс заняться сексом в этой жизни по согласию и не за бабки, пока шлюха будет блевать от отвращения под тобой!

Глава 2

Что за адская боль в запястьях и плечевых суставах! Еще и во рту сушь и горечь, в ушах гул и веки прямо неподъемные. Натужно сглотнула, ощутив еще и жжение в сбитых костяшках. Ах да, я снова не отказала себе в удовольствии оставить свой след на физиономии очередного мерзавца, считавшего, что все женщины вокруг существуют с единственной целью – ублажать его паскудную персону, и за это наверняка загремела в карцер.

– Смотрите-ка, кто проснулся! Гребанная Крушительница яиц! – звучание сиплого голоса и сама манера выговаривать слова мгновенно создали в моей голове образ отморозка из района Змеиной верфи. Первый же взгляд сквозь с трудом поднятые веки подтвердил мою правоту. Где-то в полуметре от меня на поднятых к креплению в металлическом потолке руках покачивался парень со сплошным рисунком татуировок, имитировавших чешуйчатую кожу. Они были на лице и остальных видимых частях тела.

Глазные мышцы протестовали от малейшего усилия, но их много и не требовалось, чтобы рассмотреть, что и сама находилась в таком же полуподвешенном состоянии, как и десятки парней и девушек вокруг. Мы явно болтались в каком-то транспорте, и, судя по вибрации и гудению, прямо в момент моего окончательного пробуждения он шел на посадку. Пытаясь обрести полную ясность, сконцентрировалась на темных извилистых линиях тату на лице соседа, нагрузив свой мозг вопросом, к какой из змеиных группировок тот принадлежал. Заметив это, он злобно оскалил на меня свои специально отточенные и нарощенные зубы. На обоих клыках гравировка в виде серого кристалла, цвета тату – чередование черного, алого и бледно-серого. На нижней губе, носу и обеих бровях еще видны следы от снятого сейчас массивного пирсинга, который в изобилии носили все члены змеиных банд. Этот конкретный тип – агритовый аспид. Специализация банды – сбыт наркоты, крышевание попрошаек и шлюх-индивидуалок на пристани и набережной, частный извоз на грани с вымогаловом, плавучие речные подпольные казино и бордели, и по мелочи – очистка кошельков загулявших туристов. В торговле людьми, принуждении к проституции или прочем непростительном, на мой личный взгляд, дерьме не замешаны. Главный аспид, Ангус Краем, был не лишен основных принципов морали; ходили слухи, счастливо женат на дамочке отнюдь не легкой судьбы и имеет двоих детей. Так что никакого насилия над промышленяющими собственным телом девочками и, не приведи нечистый, малолеток на его улицах не замечено. В моей извращенной системе координат это отмечено как нечто хорошее.

– Не пялься на меня, чокнутая сука! – продолжал скалиться аспид, которому от силы было лет девятнадцать под всеми этими тату. – Позаришься на мои колокола, и я тебе глотку перегрызу!

– Сделай так, чтобы твои причиндалы не оказывались слишком близко ко мне, и будешь в безопасности! – прохрипела я, презрительно фыркнув и начав рассматривать остальных соседей.

Всего нас насчитывалось тут около сотни. Все в одинаковых ядовито-желтых робах заключенных, которым воля не светила уже в этой жизни, некоторые с отблескивающими красными полосками на рукавах, сообщавших, что они вообще смертники. Каждый из нас был прикреплен кандалами к потолку настолько высоко, чтобы едва касаться ногами пола, кто-то или дремал, или так же, как и я недавно, еще не пришел в себя после дозы усмирителя. Лица некоторых мне были знакомы по выпускам новостей об их процессах, и, насколько припоминала, на любом тут висел как минимум один труп. Вон, в соседнем ряду качался Колтон Зенски, здоровенный лоб, бывшая восходящая звезда хоккея. Блондинчик, ярко-синие глаза, сложение атлета и, про между прочим, серийный насильник. Урод. Просто виснувшие на нем тупые фанатки ему были не интересны. Он предпочитал опаивать милых заучек из хороших

семей и насиловать их в своем пикапе, снимая на телефон, в процессе заставляя говорить о себе отвратительные вещи, признаваться в несуществующей развращенности и желании быть униженными, а потом шантажировал, запугивал, вынуждая молчать об этом под страхом всеобщего позора. Не знаю, как там дальше пойдет, но я собираюсь теперь добраться до его горла при первой же возможности. Он это заслужил. А вот справа – Мелинда Картер, хрупкая девушка с ангельским личиком и огромными влажными карими глазами. На первый взгляд нет никого, более несуразно смотревшегося здесь, если не знать, что милаха застрелила прямо в постели обоих своих родителей, потому что они мешали ей встречаться с черным парнем из школьной банды. Правда, на процессе она всех пыталась убедить, что не виновата и все это заказ ее высокопоставленного дяди-сенатора, но суд не счел эту версию жизнеспособной. Дальше опознавать своих случайных соседей мне помешало сильное сотрясение транспорта, гром и скрежет. Нас затрясло и закачало, мои бедные запястья снова взвыли.

– Внимание, новобранцы! – громыхнул мужской голос из динамиков, от которого почему-то побежали холодные мурашки по хребту. – Вы прибыли на место! В течение тридцати секунд вас освободят от удерживающих браслетов и вам надлежит немедленно покинуть транспорт. Предупреждение: тот из вас, кто посмеет напасть на другого новобранца, будет немедленно уничтожен на месте без разбирательств! Повтора или попыток медикаментозного усмирения не последует!

Защелкали наши оковы, и тут же вспыхнул первый конфликт. Двое парней, явно из враждующих на воле банд, вцепились в глотки друг другу, как питбули, накачанные озверином, и покатались по полу, сбивая других. Вспышка была ослепительно-синей, и тела обоих охватило призрачное бледное пламя. Придуркам сразу стало не до драки. Страшно крича, они начали корчиться и пытаться сбить странный магический огонь. Но это оказалось бесполезно. Меньше чем через минуту они вытянулись и затихли, обугленные и бездыханные. Ну что же, первый урок нам преподали.

Глава 3

– Если кто-то планирует и впредь не следовать озвучиваемым правилам, то сэкономьте и наше, и свое время и признайте это прямо сейчас, – раздался зычный голос, словно созданный для провозглашения приказов. – Я прикончу вас на борту – нам тут ни к чему лишний мусор.

Естественно, мы все уставились на говорившего. По ТВ, конечно, показывали Драконых ликторов, но никогда достаточно близко, кроме разве их Верховного, и упоминали об их необыкновенно высоком росте и внешнем почти нечеловеческом совершенстве, заставляющем (цитата) «буквально лишаться дыхания». Мужчина, стоявший у основания трапа, действительно возвышался даже над самым рослым среди нас парнем где-то на полголовы. Ну, учитывая, что эти крылатые ребята утверждали, что в их ДНК есть гены священных драконов, я находила этот факт неудивительным. Внешность его тоже почему-то не вызвала у меня проблем с дыханием. Мужик как мужик, очень и очень привлекательный, короткостриженный брютет, цвет глаз не разобрать с моего места, от шеи до пят упакован в темно-синюю кожу, напоминающую защитные костюмы байкеров, разве что увешан всевозможным оружием. Идеальные пропорции лица и тела, слишком, слишком идеальные, чтобы по-настоящему впечатлить меня. Ведь я существо из мира, где нет места ничему идеальному, и мое внимание прежде притягивали плохие и неправильные парни. Других-то поблизости не обреталось. В общем, пока я точно не понимала, от чего тут вздыхать в восхищении. То ли дело его крылья. Вот на что стоило пялиться, раскрыв глаза и рот, забыв, как разговаривать. Огромные, вот какие они были, и абсолютно потрясающие. Почти до конца раскрытые сейчас, они полностью перекрывали выход с транспорта, шириной метра в четыре, и кончики скрывались снаружи. Глубоко-черные, и при этом горящие бесконечным количеством хаотично блуждающих переливов на крошечных чешуйках, их покрывавших, которые при этом выглядели мягкими, словно бархат, хотя я читала, что каждая из них имеет почти алмазную твердость, и скользящий удар способен спустить с противника шкуру лоскутами. На эти роскошные живые полотнища хотелось смотреть не отрываясь, будто на качающийся маятник гипнотизера, а еще обязательно коснуться, чтобы познать, наконец, каковы они наощупь. Это чувство было как щекотка по нервам, будоражащим и возбуждающим.

Пришелец чуть взмахнул крыльями, на мой взгляд, откровенно рисуясь и наслаждаясь выражением наших офигевших рож.

– Принимаю молчание как готовность отныне подчиняться и не проверять неизбежность наказания за любое неповиновение! – прогремел он, выводя всех из ступора, и дернул одним из своих черных опахал, указывая себе за спину. – На выход, живо!

Очнувшись, я переместилась к стене, охотно пропуская всю оживившуюся толпу вперед. Как-то не было желания оставлять никого из своих случайных спутников за спиной. Драконий страж подчеркнуто не сдвинулся ни на сантиметр, так и стоял посредине аппарели, только сложил крылья, вынуждая всех прибывших обтекать его с обеих сторон. При этом он взирал свысока, но пристально, сосредоточенно и будто делал в голове некие заметки, моментально давая каждому умственную характеристику. Под его откровенно тяжелым взглядом даже самые дерзко державшие себя отморозки скромно опускали глазки и торопились проплыть мимо побыстрее. Когда транспорт почти опустел, я засекала у противоположной стены умника вроде меня, так же посчитавшего за благо дать толпе не совсем адекватных бывших зеков, коими мы все являлись, промчаться мимо. Долговязый, под метр девяносто, казавшийся почти тощим в болтающейся на нем мешком тюремной яркой робе. Темно-русые волосы, небрежно собранные в хвост на затылке, впалые щеки, острые скулы, пухлый, чуть ли не девчачий рот на симпатичном лице. Он на первый взгляд выглядел пацаном-переростком, дрыщом-старшекласником, невесть как затесавшимся в толпу убийц, террористов и насиль-

ников. Парень небось по многу раз в день получал предложения непристойного характера в мужской тюрьме, а может, и не только предложения. С такой внешностью почти анимешной принцесски желающие нагнуть его должны были в очередь выстраиваться. Но вот настороженный и цепкий взгляд блестящих карих глаз подсказывал, что первое впечатление хрупкой внешности обманчиво. А стоило ему отделиться от стены и двинуться мягкой, осторожной поступью вслед за остальными, стало окончательно понятно, что этот худой миляга далеко не прост. Было что-то в его движениях вкрадчивое, продуманное, от чего моя интуиция сразу сделала стойку, предупреждая о скрытой опасности, гораздо большей, нежели в любом громиле с откровенно уголовной внешностью и здоровенными мускулами. Передо мной был чертов хищник, а совсем не потенциальная жертва. Мимо перегораживавшего дорогу Крылатого мы проскользнули одновременно, и на мгновение мне прямо-таки пришлось бороться с потребностью хоть кончиком пальца все же коснуться острого края крыла передо мной. Наши с Тоцим глаза встретились, прежде чем начать изучать открывшийся вид. Парень мимолетно ухмыльнулся, будто он прекрасно знал об одолевшем меня странном желании и забавлялся этим. Захотелось зверски оскалиться и велеть ему держаться от меня подальше. Эта его необъяснимая самоуверенность почему-то бесила.

Тяжелые ботинки ликтора загрохотали за нашими спинами, а потом забухали по каменной кладке большого двора, в котором мы очутились. Будто мужик не просто шел, а прямо вколачивал ноги в земную твердь, желая вызвать ее дрожь и подчеркнуть тем самым факт своей необычайной мощи. Хотя двором это место можно было назвать лишь условно. Скорее какая-то открытая взлетно-посадочная площадка, с трех сторон заканчивавшаяся, похоже, крутым обрывом. В сгущавшихся сумерках рассмотреть, чем окружен этот кусок камня, было невозможно. Цитадели находились и у моря, но большей частью на Границе, за которой начиналась многокилометровая полоса ониксовой пустыни с зараженной стороны. В глубине двора возвышалось массивное темное, в десяток этажей, здание из бордово-коричневатого камня. Причем первые два были лишены окон. Только очень толстые резные двери, в которые сейчас втекал ядовито-желтый поток новобранцев под наблюдением еще одного стража. Кожаный прикид этого был насыщенно-зеленым, как у чертова рождественского эльфа, а волосы мягкими волнами спадали до плеч, и за их ровный золотистый яркий блеск многие модницы души бы продали. И снова идеально правильные черты лица без малейшего изъяна, ну чисто ангел, вот только с черными, как мысли отчаянного грешника, крыльями и льдисто-синими глазами, взиравшими на всех с промораживающим до костей нечеловеческим интересом.

– Пошевеливайтесь! – поторопил нас с Тоцим топающий позади надзиратель, и я ускорила шаг.

Коридор, в котором мы оказались, был как раз под стать местным владельцам. В нем Крылатый мог бы не только свободно передвигаться, раскрыв крылья полностью, но наверняка и без проблем сражаться. Закончился он еще одной монстродверью, с которой начинался спуск вниз по достаточно крутой лестнице. И вот тут было особо не развернуться. Максимум рядом здесь могло спускаться пару человек нормальной комплекции. На стенах виднелись какие-то высеченные в сплошном камне барельефы, но скорость движения и скудное освещение не позволили мне разглядеть ничего, кроме драконьих оскаленных морд и искусно выполненных чешуйчатых когтистых лап. Ну, в духе самого местечка, само собой.

Еще коридор, только теперь с немного застоявшимся, затхлым воздухом, будто сюда сто лет никто не заходил. В нем мы задержались перед следующей высоченной дверью, на этот раз, похоже, из чеканного серебра. Да, так и есть – серебро, и не просто тонкая пластина поверх дерева, а литой монолит, и его тут сто процентов хватило бы год кормить целый квартал, где я жила в последнее время. И без того не особо свежий воздух моментально пропитался отвратительным коктейлем из запахов разнообразного пота, разгоряченной от ходьбы и нервозности

кожи и мерзких, дешевых, доступных зекам антиперсперантов. Очень захотелось перестать дышать.

– Сейчас вы войдете в Зал Даров, – голос «синего» ликтора в замкнутом пространстве коридора звучал пугающе гулко и всепроникающе до усрачки, заставляя вспотеть еще больше под тюремной робой от предчувствия неминуемо назревающего дерьма. – Двигайтесь быстро и без остановок. У вас будет ровно тридцать секунд, чтобы занять СВОЕ место. Тот, кто сдвинется хоть на сантиметр после этого, обрекает себя на почти стопроцентную смерть.

– Да задолбали вы – чуть что грозить прикончить нас! – выкрикнул громила с татуировкой какой-то неизвестной мне банды на всю правую половину лица. – Если бы я хотел просто сдохнуть, то не стал бы и заморачиваться и карябать свою подпись под вашим гребаным договором!

– Но раз ты уже подписал его, придурок, то изволь делать что приказано, – невозмутимо ответил зеленый летающий «эльф» глубоким и мелодичным, прямо до мурашек по спине голосом, остановившись у последних дверей. – Или обещаю, что к твоему умерщвлению мы подойдем гораздо креативнее скучных госслужащих.

Бывший бандит начал что-то ворчать в ответ, но в этот момент двери распахнулись и «синий» оглушительно рявкнул: «Вперед!», пихнув меня и Тощего в затылки. Вся толпа, инстинктивно подчиняясь мощи, вложенной в этот приказ, ломанулась в большой зал.

– Живо-живо-живо! – орала на нас ликторы, перекрывая ритмичное бом-бом-бом, явно отсчитывавшее наше время, пока мы толкали и теснили друг друга.

Мне хватило времени, чтобы на бегу рассмотреть: сам зал был совершенно круглым, строго посредине него торчало нечто вроде очень толстого, в несколько обхватов крупных мужиков, резного каменного столба с причудливым светлого металла навершием, которое стремительно начало подниматься, открывая полые разноцветные изнутри секции. Красная, синяя, бронзовая, зеленая. И там клубилось что-то непонятное, переливчатое, не имевшее определенной формы, словно дым, но казавшееся при этом гораздо осязаемей его, менявшееся от прозрачно-серого до всех остальных оттенков спектра. Я невольно затормозила, всматриваясь в странную поднимающуюся штуку, но успела краем глаза заметить, что пол в зале поделен на равные части, совпадающие по цвету с секциями наверху и разделенные серебряными гладкими тропинками. К этому металлу у местных какая-то особая любовь, как погляжу. Кто-то сильно двинул меня в спину, сбивая с ног и вынуждая упасть вперед. Извернувшись, я успела заметить лишь всполох черного крыла еще одного Крылатого. Его мускулистое тело казалось будто облитым жидкой бронзой из-за костюма. Вот уж воистину сидел он как вторая кожа, нисколько не скрывая, а наоборот подчеркивая все совершенства безупречного сложения этого беспардонно пихнувшего меня мудака. И не думая обернуться, он прошагал по звякающей под его подошвами тропе, с которой отшвырнул меня, как мусор, в сторону центрального столба. Гремевший на весь зал отсчет прекратился и кто-то взревел: «Замереть!» Я успела засечь еще, что рядом с бронзовым любителем швыряться людьми появилась высокая женщина в красном, а так же «синий» и «зеленый», а потом из полых секций над их головами со свистом стал вырываться мощный поток воздуха, изрядно сдобренный той самой клубившейся дрянью. Завоняло раскаленным камнем, серой и почему-то еще кровью. Воздушная лавина врезалась в каждого новобранца, и люди валились на пол один за другим, начиная страшно кричать, задыхаться и биться в конвульсиях. Кто-то из задних рядов, увидев этот кошмар, рванул с места, но воздушная хрень, будто живое хищное существо, засекающее движение, тут же выбросила похожее на острое копьё туманное щупальце, пронзившее паникера совершенно реально, оставив недвижимым на полу. Это было последнее, что я запомнила, прежде чем мутный переливчатый поток врезался в меня, посылая в мир дикой агонии. Так и не успев подняться после сокрушительного толчка стража, я скрючилась от невыносимой боли, шея сама собой изогнулась под жутким углом, заставляя уткнуться расплывающимся взглядом в пол. Бронзовый, проклятый

пол был бронзовым, промелькнуло в голове, прежде чем мир завертелся и потух, даря облегчение.

Глава 4

– Подъем, новобранцы! Хватит прохладяться! Не на курорт прибыли! – окрики ликторов на разные, но одинаково властные голоса вернули меня в реальность.

Открыв глаза, я тут же наткнулась на встречный взгляд Тощего, который лежал на боку в нескольких метрах от меня, в красном секторе зала, и кривился.

– Ни хрена себе нас одарили! – проворчал он, садясь. – От души прям, сука!

Пара длинных ног в кожаных штанах цвета бронзы и массивных черных говнодавах на рифленой толстой подошве возникла между нами, перекрывая обзор.

– Я сказал – подъем! – рыкнул Крылатый, и я перевернулась на спину, чтобы посмотреть засранцу в лицо.

Рыжий. Точнее, практически оранжевый, словно кто-то плеснул горячего ему на макушку и поджег. Кожа на лице белоснежная, безупречная, без единой веснушки или пигментного пятнышка, черты резкие, четкие – прямо рукотворная мраморная статуя, а не живое существо. Губы сжаты в бесцветную гневную линию, желваки чуть выпирают из-за стиснутой челюсти, пронзительно-зеленые глаза сильно прищурены, больше напоминают щелки. Выражение лица – высшая степень недовольства и высокомерия.

– Кто-то не расслышал мой прямой приказ? – громыхнул он надо мной, разрывая наш прямой визуальный контакт и обводя взглядом остальных в моем секторе. – На ноги, ЖИВО!!!

Тело подчинилось само собой, группируясь и вскидывая меня вертикально, и, как ни странно, никакой боли нигде я не ощутила, хотя сказать, что хорошо себя чувствовала, было бы враньем. Вся кожа зудела, будто долго-долго и интенсивно потела в жутко влажной и жаркой атмосфере, а потом все это дерьмо высохло прямо на теле, противно прилепив к нему кое-где отвратную синтетику одежды, не говоря уж о нижнем белье. Невыносимо захотелось в душ. Или хоть к крошечной раковине, что была в моей камере. Да пачка влажных салфеток и та была бы в радость. Оглядевшись, я увидела, как парни и девушки медленно поднимались вокруг, почесываясь и брезгливо кривясь, явно испытывая те же ощущения, что и я. Но встали не все. Трое примерно из двух десятков, попавших в мой «бронзовый» сектор, так и остались на полу, скрюченные и с искаженными в смертельной агонии лицами. В соседних цветовых секциях наблюдалась такая же картина. Трупы, где-то больше, где-то меньше, лежали между выжившими, которых поднимали на ноги хлесткими окриками другие ликторы.

– Какого хрена это было вообще? – пробормотал кто-то.

– Поздравляю, новобранцы, вам повезло только что получить первый из даров Драконьего дыхания – Дар жизни, – процедил «бронзовый» таким тоном, будто на самом деле остался крайне недоволен тем, что все мы не сдохли. – Добровольно выбрав этот сектор в момент распределения, вы получили меня в качестве наставника на весь период вашего обучения и отныне обращаетесь ко мне «декурион Крорр», – его щека дернулась, – и никак иначе. Вопросы?

У меня была парочка. Например, о добровольности выбора мною именно его сектора путем толчка крылом в спину. И не являлось ли обязательным для стражей при поступлении на службу глотать долбаный кол, который заставлял их потом выглядеть такими вот заносчивыми придурками, плюющимися в нас словами с видом преогромного одолжения. Но я решила придержать их при себе и только молча уставилась на своего нового командира в ожидании дальнейших бесценных указаний.

– Когда тут жарчку раздают? – спросила крепко сбитая девушка с ядовито-розовыми волосами. Ее я тоже знала из новостей. Хильда-фамилии-не помню. Она была единственной выжившей из молодежной неонацистской террористической группировки «White wolf», нападавшей на старшие школы в самых криминальных районах и отстреливавшей членов тамошних

черных и китайских банд, толкавших наркоту под видом посещения положенных уроков. Всех остальных «волчат» перещелкали при задержании, потому что они сопротивлялись отчаянно, а Хильду тяжело ранили в голову и только потому, что она была без сознания, взяли живьем. Провели сложнейшую операцию, о чем еще напоминал короткий ежик цвета жвачки с одной стороны головы, и долго реабилитировали, лечили в тюремной больнице. Чтобы потом приговорить к казни через долбаную инъекцию. По мне, так наше государство обладает довольно убогим чувством юмора. Не проще было бы добить сразу?

– Не раньше, чем вы смоете с себя всю эту тюремную вонь и получите обмундирование, – ответил Кропп, и опять создалось впечатление, что он, скорее, хотел пожелать нам помереть с голоду.

Очевидно, нам тут рады были прямо несказанно. Впрочем, как и везде в этом мире. Ничего нового.

– За мной! – скомандовал он и, дернув крыльями и развернувшись, двинулся к серебряным дверям, пока остальные ликторы произносили речи в том же духе перед своими подопечными.

Я опять подождала, чтобы мои «однотруппники» потянулись шеренгой за нашим «папашей-гусем», оценивая, с кем придется иметь дело в ближайшее время, пока я не найду способ свалить из этого гребаного цирка. В том, что найду, не сомневалась. Девушек, включая меня, у нас оказалось трое. Помимо Хильды, я узнала принцессу-плаксу Мелинду Картер. А еще сюда затесался и урод-насильник Зенски, остальные парни не показались знакомыми. Обычные среднестатистические татуированные бандюки, видимо. Что же, если отбор тут будет на прежнем жестком уровне, то очень скоро нывшая в новостях красotka вылетит отсюда, не важно каким образом. Чего она вообще сюда решила припереться? Сидела бы в камере, полировала ногти и строчила апелляции до бесконечности, авось и выгорело бы помилование однажды. А вот об отбраковке бывшей восходящей звезды хоккея я надеялась позаботиться сама. Чисто личного удовольствия для.

Мы вернулись уже знакомым маршрутом, но потом свернули направо, минут пять шли по темному коридору почти наощупь, добираясь до местного склада с барахлом, где наш командир-надзиратель пренебрежительным взмахом руки велел выбрать себе по три комплекта шмоток подходящего размера. Костюмы из черной кожи, вроде его собственного, и простое белое белье.

– Чтоб я сдохла – это натуральный хлопок! – шокированно пробормотала Хильда, погладив пальцами ткань трусов-шортиков перед собой. – Я себе такие только раз смогла позволить.

Я безразлично пожала плечами. За всю жизнь не носила ничего кроме стопроцентной синтетики, особых страданий по поводу наличия в мире супер-дорогих натуральных тканей не испытывала никогда, так что не видела тут повода для восхищения. Но Ирме это наверняка бы тоже понравилось. У нее всегда была склонность к дорогим вещам и тяга к богатым позерам, способным ими ее порадовать. К сожалению.

– Жду не дождусь, когда буду снимать эти тряпочки с ваших задниц, телочки, – похабно оскалился Зенски, рывшийся на стеллаже через ряд от нас, и кое-кто из парней одобрительно захмыкал.

– Не раньше, чем увижу, как ты сам себе отсасываешь, урод, – огрызнулась я.

– Сосать – сучья работа! – оскалился качок.

– Ну так и я к тому, что вижу перед собой настоящую трусливую сучку, – ответила, презрительно ухмыльнувшись и глядя ему прямо в мерзкие голубые зенки.

– Тварь поганая, – зарычал он, опираясь на полку перед собой, будто намеревался ее перепрыгнуть и навалить мне. Давай, гнида, иди к Летти, я тебе с таким кайфом кадык выгрызу! – Я тебя так трахать буду, что на твой визг все вокруг сбегутся, а потом заставлю ползать на коленях и рассказывать, как тебе это понравилось, и выпрашивать мой член снова!

– Это без наркоты-то в пиво? – насмешливо фыркнула Хильда, неожиданно поддержав меня, хоть я в этом ни черта и не нуждалась. – У тебя кишка тонка справиться с девчонкой в адекватном состоянии, да поди и не встанет же на такую. Ты же в основном по бессознательным телам.

Фыркание вокруг стало громче, превращаясь в полноценные смешки.

– Убью паскуд! – зашипел взбешенной змеюкой Зенски.

– Угрозы и попытки психологического давления и унижения в отношении других новобранцев – три дня в карцере без еды и воды и без освобождения от обычных тренировок, – голос Крорра, ждавшего нас у дверей, звучал одновременно безразлично и до оторопи угрожающе. – Любой акт насилия между кадетами – смертная казнь. Провокация на действия агрессивного характера – физическое взыскание на усмотрение командира группы.

Последнее он явно уже адресовал нам с Хильдой. Бывший спортсмен мгновенно сдулся, да и мы вернулись к выбору подходящих размеров.

– Закончили? – нетерпеливо окликнул нас ликтор несколько минут спустя, когда из коридора донеслись звуки шагов следующей команды новобранцев. – В душ! Шевелитесь!

Навстречу нам попалась вереница экс-зеков, возглавляемая той самой высокой женщиной в красном. Жгучая брюнетка с золотистой, словно мерцающей в тусклом освещении кожей, лицом и формами живой богини. Я, по своему обыкновению, шла последней и поэтому смогла пронаблюдать, как парни из нашей команды стали буквально сворачивать на нее шеи, пуская слюни, а те, что топали за ней, все поголовно пялились на ее туго обтянутую кожаными штанами задницу, как выжившие из ума идиоты. Кроме разве что Тощего, шедшего, как и я, замыкающим в своей шеренге. Перехватив мой насмешливый взгляд, он знающе ухмыльнулся и дерзко подмигнул. Кто же ты, блин, такой, хитрый засранец? Хотя... да пофиг. Ходи себе мимо и не приближайся.

Запах сырости сразу подсказал, что душевые уже близко. И сюрприз-сюрприз, они оказались тюремного типа – просто ряды распыляющих насадок с вентилями вдоль обеих стен. Никакого разделения по полу. Кто-то тут прямо гений, как я погляжу, если решил позволить очутиться в одном помещении десяткам обнаженных парней и девушек, которые месяцами до этого вынуждены были удовлетворяться сугубо хэнд-мейд способом. Блестящая идея, чего уж там.

– Хрена с два я разденусь при этих озабоченных придурках! – гневно зарычала Хильда, прожигая глазами широкую спину нашего наставника, а плачущая принцесса сразу завела свою песню из всхлипываний. Дуры, на хрена так эмоционально реагировать, показывая этим долбанутым шакалам, с какой стороны у тебя уязвимое место? Чтобы в него потом тыкали уже прицельно, гнобя и загоняя все сильнее?

Естественно, парни тут же стали стягивать робы, сверкая в нашу сторону плотоядными взглядами и похотливыми ухмылками. Менее чем через минуту перед нами замелькали быстро приходящие в готовность члены в ряд. Прямо хоть бери и занимайся фаллометрией в таком разнообразии форм и размеров.

– Мыться или ходить вонючей – твой личный выбор, – безразлично ответил Крорр и указал на контейнер в углу и полки вдоль стен. – Старые тряпки – сюда, новые пока пристройте здесь.

Я, и не думая смущаться или дергаться, стянула с себя верхнюю часть ядовито-желтого казенного уродства и зашвырнула в пластиковый ящик под свист членоголовых тупиц. Разве все слепые и не соображают, что это тоже своего рода тест? Крылатый пристально смотрел, как я раздевалась, но в его глазах абсолютно ничего нельзя было прочесть. И даже когда Хильда, выругавшись, последовала моему примеру, а за ней, дрожа и причитая, и Мелинда, он не перевел на них взгляд, хотя черта с два мне удалось засечь даже крошечную искру его мужского интереса или вообще тень какой-то эмоции. И это все же выводило из себя. Когда мужик

упорно пялится на тебя голую, то предпочтительно знать, что у него на уме. Это очень помогает рассчитать возможный ход событий и собственную реакцию на него. Тут же – глухая стена. Да и черт с ним. Бросаться этот ликтор на меня точно не собирается, так что думать о вариантах обороны пока не нужно. Выпрямившись и развернув плечи, прошагала в душевую под похабные замечания и улюлюканье парней. Ну что за ослы с одной извилиной!

Встав под еле теплую воду, едва не застонала от удовольствия, освобождаясь от мерзкого липкого слоя на коже после посещения этого их Зала Даров. Намылила голову и стала быстро смывать, напрягая все органы чувств, кроме недоступного несколько секунд зрения, чтобы следить за обстановкой вокруг. И резко развернулась вправо, услышав оттуда изумленный вопль:

– Это что за хрень такая творится?!

Глава 5

Торопливо провела ладонью по лицу, убирая остатки пены, и уставилась на ошалело оглядывающего себя парня в нескольких метрах от меня. Не сразу сообразила, в чем дело, увидев, как с его тела льется почему-то разноцветная вода. Присмотревшись, поняла, что все его татушки, покрывавшие кожу от подбородка до пальцев ног, стали расплываться, превращаясь в бурые разводы, и стремительно утекали с мылом и водой в канализацию. Ну прямо акварельный рисунок, упавший в лужу, а не крутой бандюган! Еле сдержала насмешливое фырканье. Неужели этот неудачник сбавил себе временные тату, чтобы казаться круче, чем есть? О чем он думал вообще? В тюрьме за это запросто нагнули бы, а то и вовсе замочили. Новый удивленный вопль отвлек мое внимание, а вслед за ним и вскрик Хильды. В душевой явно прибывало народу, очевидно, красные уже успели приборохлиться и явились на помывку, и поэтому пришлось поискать глазами розовую шевелюру. Чтобы ни черта не найти ее. Бывшая волчица стояла, пораженно уставившись на свои ладони и грудь, по которым лились ядовито-розовые потоки, а волосы ее приобрели цвет мокрого светлого блонда. Теперь весь пол в душевой покрылся буроватыми лужами из-за смеси множества красок с разных тел, и с моей собственной стороны тек густо-голубой поток. Что за ерунда? Моя краска не могла смыться просто так, в конце концов, я за месяц до ареста отвалила немалую сумму за вживление капсулы с пигментом, и работать эта фигня должна была исправно как минимум пару лет, окрашивая мои невзрачные пепельно-русые космы в красивый синий. Недоумевая, я опустила глаза и тут же офигела еще больше. Отчетливо видные еще сегодня утром следы от круглых ожогов в верхней части груди пропали без следа! Я жила с ними с семи лет и давно считала неотъемлемой частью себя, ежедневным напоминанием, какими жестокими тварями, носящими личины добропорядочности, населен мир, а теперь их не было? Еще не в силах поверить, обхватила правую грудь, приподнимая, и смахнула уже бледно-голубую воду, всматриваясь.

– Сиськи у тебя, конечно, высший класс, крошка, но неужели ты на них за всю жизнь не насмотрелась? – язвительное замечание, произнесенное вкрадчивым тенором, принадлежало Тощему, который, оказывается, успел занять место рядом со мной.

Он стоял, запрокинув намыленную голову и даже не глядя на меня. Распушенные мокрые волосы доставали до лопаток, и смотрелся он совсем не таким уж дрыщом, как в висевшей мешком робе. Точнее, совсем не таким, а жилистым, состоящим из одних сухих рельефных мышц, и на его теле я не заметила никаких расплывающихся разводов, говорящих о прежде существовавших отличительных знаках, способных подсказать, не принадлежал ли он к какой-нибудь преступной группировке. Зато его строение более чем отчетливо демонстрировало прекрасную физическую форму много тренирующегося юноши, который однажды и наверняка весьма скоро превратится в замечательный образчик мощного полновозрастного самца. Юный впечатляющий хищник сейчас и, безусловно, смертельно опасный противник для кого угодно в будущем. Если до него доживет.

– Тебе не рановато на сиськи пялиться? – огрызнулась я, отводя глаза.

– Крошка, для парня пялиться на пару суперских сисек никогда не рано, – фыркнул он, отплевываясь и все так же не поворачиваясь. – А вот то, что ты голодной кошкой поедаетшь глазами меня, такого, на твой взгляд, сыкуна малолетнего, может быть и незаконно.

– Если бы я и захотела съесть кого-то глазами, то нашла бы для этого не мальчишку, а мужчину. Их вокруг полно, если не заметил. – Я стала закручивать воду. – И не смей меня больше называть крошкой, придурок, если тебе причиндалы дороги. Вообще со мной не говори!

– Это ты всех этих смельчаков мужиками называешь, у которых колокола внутрь втягиваются при упоминании твоей репутации Крушительницы яиц? – беспечно рассмеялся он,

наконец развернувшись, и, нахально глядя мне в лицо, обхватил рукой свою мошонку и потряс, заставляя покачиваться дерзко торчащий ствол, достающий ему почти до пупка. – Как видишь, мои ты поджиматься не заставляешь.

– Напрасно, Сейлор Мун! – бросила я и направилась к выходу из душевой, пока он смеялся мне в спину, вызывая желание развернуться и стереть это выражение дерзкой самоуверенности с его хорошенького личика.

– Не-а, Сочные сиськи, я скорее уж капрал Леви! – услышала вслед и сжала кулаки. Блин, меня не вывела из себя толпа улюлюкающих дебилов с членами наперевес, а ему это удалось парой фраз. Забей, Летти, забей!

Здоровенный перекачанный идиот пошел в мою сторону, ухмыляясь и растопырив свои толстые пальцы, и его явное намерение облапать меня при якобы случайном столкновении было очевиднее некуда. Дружок, большие шкафы имеют обыкновение так громко падать. Не снижая скорости и делая вид, что не подозреваю о его намерениях, я резко сместилась в сторону и, поравнявшись с ним, молниеносно и как можно более незаметно саданула пяткой по большому пальцу на его ступне. Вскрикнув, он инстинктивно поджал от неожиданности пострадавшую конечность и тут же потерял равновесие, почти совсем без моей помощи, упал на бок перед моими ногами. Изобразив, что просто неуклюже споткнулась о его тушу на своем пути по инерции, впечатала пятку прямехонько в его хозяйство и повалилась за его спину, группируясь, чтобы не ушибиться всерьез. Запрещено насилие, говорите? Быстро вскочила и, развернувшись, картинно прижала руки к груди, изображая вину и растерянность под взглядами Крорра и красной ликторши.

– Ой, прости ради бога! Я тебя не заметила! Как же неловко вышло! – на всю душевую завопила я, наклоняясь, и прошептала своей жертве прямо в ухо: – Еще раз попробуешь коснуться меня – станешь евнухом.

Быстро поднявшись, пошла прочь, сопровождаемая опять руганью, девчачьим ободряющим посвистом и мужским шипением «гребаная яйцerezка» из разных углов.

В дверном проеме в предбанник Крорр внезапно преградил мне путь. Хотя я и ожидала этого, наблюдая за наставником сквозь якобы виновато опущенные ресницы, но все равно его маневр застал меня врасплох. Мое сознание не отметило самого факта его перемещения. Только что подпирал мощным плечом косяк рядом с Красной, и вот уже кончики моих съжившихся от прохлады сосков коснулись кожи его формы, и только чудом удалось затормозить, чтобы не впечататься в него полностью.

– Думаешь, я не заметил, что произошло на самом деле? – прошипел Крылатый, опустив голову так, чтобы его губы оказались у моего виска. – Или надеешься, что намерен спускать это?

От щекотки, вызванной резким скольжением воздуха по телу, промчалась волна озноба, а следом жара, словно его дыхание было ведром ледяной воды, сначала замораживающим на грани шока, а потом мобилизующим все силы организма на стремительный нагрев. А может, это было влияние окутавшего меня, как одеяло, его запаха. Что-то простое и при этом многогранное, как дорожный кофе с загадочным набором специй и примесью ненавязчивой волнующе-изысканной нотки парфюма, настолько еле уловимой и интригующей, что хотелось прижаться к его щеке носом и глубоко вдохнуть, чтобы распробовать оттенки. Какой-то обонятельный манок для падких на роскошь идиотов, наверное. На долю мгновения накрыло видением, как вокруг моего тела оборачиваются огромные черные крылья, укутывая от макушки до пяток, отрезая от внешнего мира и одаривая немислимыми тактильными ощущениями, усиливая интенсивность гипнотизирующего аромата в сотни раз. Нечто подобное, но без дополнительного разрушающего здравомыслие эффекта мне случалось вдыхать, незаметно обирая зазевавшихся богатея в дорогих кварталах. Этот запах был вкусным, дразнящим и раздражающим одновременно и тогда, и сейчас, а еще и прекрасно напоминающим о границе между

мною и мужчиной, способным себе позволить такое. Не моя лига. Я быстро отступила, сдерживая желание вообще шарахнуть от здорового ликтора. Слишком уж голой и уязвимой себя рядом с ним почувствовала, хотя именно такой я и была. Подождала секунду, отказываясь пересекаться взглядом, давая ему продолжить. Неужто быть мне показательно наказанной? Но вместо сообщения о взыскании услышала рядом женский смехок и бархатистый голос Красной:

– Зря ты не встала в красную зону, Войт. Вот я, например, ничего такого не заметила и намерена это делать и впредь.

– Занимайся своим зверинцем, Илэш, на моих не целься, – внезапно огрызнулся на красавицу Крорр, отстраняясь и тем самым давая мне возможность проскользнуть мимо, коей я тут же и воспользовалась.

– Твое-мое... – насмешливо пропела женщина, – лишь дело случая, да, Крорр? А случаи... они разные бывают.

Может, они еще о чем-то и переговаривались, но я уже не вслушивалась, а торопливо одевалась. И так пока информации достаточно. Выходит, Крылатые конкурируют тут друг с другом, и тот толчок, отправивший меня в бронзовую зону, не был случайным. По крайней мере, эта Илэш точно так думает. Мы, типа, шахматные фигурки в какой-то игре Драконьего корпуса? Это, в принципе, неудивительно. А вот то, что безупречные потомки самих священных драконов позволяют себе мухлевать в этой игре, действительно интересное открытие. С другой стороны, что там у них между собой за правила, я понятия не имею, и, может, умыкнуть у сослуживца-конкурента пешку другую у ликторов в порядке вещей.

Я уже была полностью одета и заплетала облезшие волосы в косу, когда и остальные члены моей группы стали выползать из душевой. Смотреть на еще недавно разукрашенных чернилами едва ли не с головы до ног бывших бандюков сейчас было по меньшей мере странно. Совершенно чистая кожа: ни следов пирсинга, ни шрамов. В таком виде они выглядели просто обычными парнями, почти мальчишками, и это явно вырвало их из зоны комфорта. Больше никакого нахального гогота и откровенной демонстрации расписных тел со стояками вкуче. Похоже, без своих татушек ребятки ощущали себя в сто раз более голыми. Теперь пришел мой черед ухмыляться, глядя на то, как они хватаются за одежду, поникнув верхними головами и торопясь прикрыть такие же уныло болтающиеся нижние. Господи, придурки, это были лишь рисунки на коже, знаки принадлежности к чужой силе, а не суть вашей собственной натуры, и без них вы не стали слабее или менее значимыми для самих себя! Хотя по хрен на вас!

Едва все были одеты и выстроились в шеренгу, Крорр прошел вдоль ряда и прижал к правому плечу каждого полоску поблескивающей бронзовой кожи, пучок которых достал из кармана. Там она прирастала намертво. Когда он шлепнул широкой ладонью по моему плечу, его запах снова накинудся на мои органы чувств, словно был атакующим хищником, но в этот раз я уже была готова к его завораживающе-агрессивному действию. А вот стоящая после меня Хильда – нет. Она покраснела и даже покачнулась, потянувшись рукой к крылу Крорра, когда он пошел дальше по ряду. Неужели и я тогда, при выходе из транспорта, выглядела примерно так же? Понятно, почему Тощий над этим потешался.

Из душевой мы отправились напрямик в столовую, и теперь уже я ухмыльнулась, заметив, что и Хильда, и Мелинда пристроились сразу за наставником.

– Это же мясо? – уставился один из парней в свою тарелку, которую перед ним шлепнула на столешницу румяная полноватая женщина лет тридцати. – Серьезно? Не имитация?

Передо мной тоже лежало нечто очень напоминающее кусок мяса на ребрах и гора овощей, прямо как на картинках из старых книг по кулинарии.

– Никто в Драконьем корпусе не питается синтетической пищей. Она не способна поддерживать ваши силы при тех нагрузках, что вас ждут, – заносчиво ответил Крорр, заняв место во

главе стола. Наш командир будет питаться с нами? В смысле, никаких привилегий для начальства?

– Натуральное – это, конечно, здорово, – закусила губу Хильда, принюхалась и сглотнула, – но только если мы этого нажремся с непривычки, то блевать будем до-о-олго.

– Не будете, – отмахнулся Крылатый, принимаясь за еду. – Именно поэтому вы сначала получили Дар жизни, а уж потом вас повели кормить. Отныне такие вещи как расстройства пищеварения, инфекции немагического свойства, рак и прочая ерунда вам не страшны.

– Ага, те ребята, что остались валяться там на полу, наверняка предпочли бы и дальше жрать искусственное дерьмо, чихать и страдать от диареи иногда, но оставаться при этом живыми, – пробурчала я себе под нос. – Одарили вы их знатно.

– Не смейте неуважительно отзываться о преподносимых вам, поганцы, священным Дарам! – грохнул кулачищем по столу Кропп с такой силой, что вся посуда подпрыгнула. – У вас появился шанс превратиться из жалких отбросов в настоящих защитников нашего общества и достойных его членов! И вы либо ими и станете, либо сдохнете! А теперь мордами в свои порции и жрать! У вас десять минут, время пошло!

Я последовала приказу, про себя, однако, отметив, что эти гребаные Дары были упомянуты во множественном числе. Значит, будут и еще. И сколько из нас их не переживет? Ладно, пофиг на других, какие шансы у меня?

Глава 6

После столь экспрессивного пожелания приятного аппетита все внезапно оголодали и уткнулись в тарелки, дабы не нарваться на что-то посерьезнее раздраженного рыка ликтора. На вкус натуральная еда оказалась реально потрясающей, пусть и совсем непривычной, особенно из-за разности консистенции продуктов. После всего того, чем приходилось питаться мне в жизни и особенно тюремного безвкусного месива в последнее время, эта пища была просто божественной. Сама не заметила, как подчистила до блеска поверхность фаянса, сразу ощутив себя раздувшейся от обжорства гусеницей.

– Посуду за собой сами будете убирать, а чтобы табуном не бегали, устанавливаю дежурство, – сообщил Кропп и кивнул ближайшему к нему парню: – Начнем с тебя и дальше по кругу. Расположение за столом отныне не менять.

– Я что, шестерка, за всеми шлюмки («тарелка» на тюремном жаргоне) таскать! – тут же оскорбленно взвился тот. – Вон пусть телки убирают, это вообще их бабская работа!

Удар черного крыла был молниеносным и сокрушительным. Скандалист слетел на пол и звывл, скрутившись и схватившись за лицо, а между пальцами его просочилась кровь.

– Я сказал – ты сегодня дежуришь, Рамос! – бесстрастно и даже не глядя на свою жертву, повторил Крылатый. – Встал и собрал посуду. И не забудь у служащих тряпку попросить. Кровь за тобой замывать они не нанимались.

Кривясь и утирая рассеченную от носа до уха щеку, нарвавшийся придурок все же поднялся и выполнил приказ. Дождаясь его, мы сидели молча, а Кропп тем временем переводил взгляд с одного на другого, будто продолжая изучать, что же мы собой представляем. Как ни странно, но к тому моменту, как дежурный закончил, кровь у него течь перестала, хоть рана и выглядела довольно глубокой.

– За мной! – опять скомандовал ликтор, поднявшись и направившись к выходу.

Прихватив свои новые шмотки, мы отправились в довольно долгий путь по коридорам, снова спускались по лестнице, пока не достигли приличных размеров пустого зала. Окон нигде не было, только проемы в стенах без дверей, ведущие в просторные комнаты с рядами аккуратно застеленных двухъярусных коек вдоль стен и тумбами между ними. Интерьер очень напомнил мне уютский, но тут его скорее стоило именовать казарменным.

– Занимайте места! – указал наставник на два ближайших к нам помещения. – И учтите, что переезды без моего личного разрешения на весь первоначальный период обучения запрещены.

Как-то не сговариваясь, мы с Хильдой и Мелиндой быстро вошли первыми в крайнюю комнату и тут же встали вдвоем с волчицей в пустом проеме, когда за нами попробовал сунуться и Зенски.

– Обломайся! – с угрозой тихо сказала я.

– Не имеешь права, сука! – огрызнулся он, сверля меня своими наглыми бельмами.

– А ты – мозгов, если сделаешь еще хоть шаг сюда, – поддержала меня бывшая наци.

– Вы у меня ох как пожалеете! – пригрозил он, но отступил и скрылся в соседней комнате.

После мы, как настоящий долбаный фейс-контроль, отсортировали всех, желавших попасть к нам, и допустили только тех, кого по молчаливому согласию сочли внешне относительно безопасными. Если так вообще можно говорить о местном контингенте. В итоге, кроме нас троих, подселилось шестеро парней, и у нас остались две пустые койки, тогда как рядом, по моим подсчетам, были теперь заняты все.

Я сразу же захватила верхнюю в самом дальнем углу, показавшуюся мне максимально удачной стратегически. С нее прекрасно просматривался вход и все помещение с моими сожителями, к тому же, в случае чего, была возможность сбить с ног агрессора, прыгнув сверху, и

стремительно прорваться к выходу. Подо мной осталось пустое место, а Мелинда с Хильдой устроились на соседней. Кропп следил за всеми нами, стоя снаружи и, видимо, ему было глубоко плевать на такое распределение. Вмешиваться он точно не собирался.

– После отбоя любые перемещения под строжайшим запретом! – заявил он, когда мы все определились с местами.

– А как же насчет в сортир? – вякнули из «мальчуковой» комнаты.

– Терпи, не младенец! – отрезал Крылатый. – Нет – так делай под себя! Потом сам же и стирать будешь.

– А если мне вздрочнуть приспичит? – не унимался придурок.

– Попросишь остальных уши заткнуть, – едва заметно ухмыльнулся наставник. – Но я тебе обещаю, что уже завтра к вечеру ты и руки для этого поднять не сможешь.

Пока я укладывала вещи в тумбу, из внешнего зала еще доносились голоса, шум шагов и властные высказывания ликторов, устраивавших свои, как сказал Кропп, «зверинцы» на ночлег в остальных комнатах. Пару раз я даже, кажется, слышала вскрики боли, что являлось, очевидно, следствием начальной воспитательной работы, проводимой Крылатыми. С одной стороны, я отдавала себе отчет, что с большинством из нас именно так и надо – с позиции откровенной силы, ибо другого языка человеческого взаимодействия отморозки, выросшие в районах, где в банды вступают едва ли не с пеленок, не понимают сейчас и вряд ли когда-то захотят понять. Однако я и не видела, как насилие над привыкшими только к этому же насилию способно изменить их и превратить в тех самых пресловутых защитников и достойных членов общества. Если я что и понимала в жизни, то такой подход способен сделать их лишь ожесточеннее, извортливее и хитрее. И кому только в голову пришла счастливая мысль создать боевой отряд из прокачанных отпетых головорезов, обученных самими непобедимыми ликторами? Зачем? С кем нам предстоит сражаться? С монстрами с зараженной стороны? У самого Корпуса силенок стало маловато, или драконьей родне надоело проливать свою высокоценную кровушку за простых людишек? А может, с нашей помощью хотят наконец покончить с порождениями Мглы и вернуть мир к исходному состоянию? Но если это не удалось в течение стольких десятилетий, то вряд ли вообще возможно. Насколько я знала, зона заражения лишь увеличивалась, тесня оставшиеся города, да и без того крошечные аграрные районы. Тогда, выходит, наше предназначение – геройски сдохнуть, пытаясь добиться этой победы или хоть расширения Чистой территории. А что, логично. Чем кормить нас за счет государства, содержа пожизненно, или даже тратиться на утилизацию трупов смертников, лучше использовать хоть с каким-то толком. А не выйдет толку – ну и ладно, такого добра, как зеки, еще завались, и кто о нас поплачет или станет шум поднимать о наших правах? Ну пытались из социопатов и бандюков нормальных людей сделать, ну не вышло, не вина Крылатых, а просто высшая степень испоганенности исходного материала, он же расходный в итоге. Не об этом тебе, Летти, нужно думать. Направь мозги на построение плана побега. Играть в солдатиков для крылатых высокомерных амбалов – это как-то совсем не мое.

– Предлагаю устроить ночное дежурство, – едва слышно прошептала Хильда, копясь в своей тумбе, примыкающей к моей, и демонстративно не поворачиваясь в мою сторону. – Как насчет спать по очереди?

Я покосилась на нее и уже почти была готова отвергнуть предложение. Во-первых, не собираюсь я тут заключать ни с кем союзов, мне ни черта не нужно беспокоиться ни о чем, кроме собственной задницы. Во-вторых, давным-давно я научилась спать чрезвычайно чутко и исключительно урывками, так что в подстраховке не нуждалась. Но, если подумать, вдруг придется обороняться, и тогда двое лучше, чем одна. Мелинду я за бойца не считаю, но хоть шум поднять может. Конечно, в таком случае придется делать допущение, что Хильда на полном серьезе готова будет прикрыть мне спину, а я не настолько беспечна. Ладно, плевать, не станет или не сможет драться в полную силу, так на крайний случай сработает в качестве отвлека-

ющего фактора и даст время для ориентации. Естественно, я понимаю лучше некуда: сговорись эти членоголовые завалить нас толпой – и хрен мы им сможем что-то противопоставить. Однако быстро на такой ход событий рассчитывать не приходилось – ведь здесь полно парней из противоборствующих насмерть на воле банд и группировок, и победить в себе годами взращиваемую вражду за день-два не выйдет.

– Эй, Войт, так что? – нетерпеливо зыркнула в мою сторону Хильда, и я кивнула, чтобы не привлекать лишнего внимания, и плечи волчицы немного расслабились. Все же она боится. И я боюсь. Но разница в том, что она, как и большинство местных парней, нуждается в группе, массе, символизирующей силу и поддержку, а мне давно на это наплевать. Тот, в ком я действительно когда-то способна была видеть эту самую поддержку и безопасность, покинул навсегда, предварительно став очередным разочарованием, а Ирма всегда пусть и была самым родным и важным человеком, но никогда до конца не понимала меня. Знаю, что моя извечная агрессия и нежелание следовать правилам часто расстраивали и пугали ее. Прости, сестренка.

– Готова быть первой, – прошептала Хильда, и я снова кивнула, незаметно показывая два пальца, сообщая, что беру вторую «смену», но тут Мелинда стала энергично гримасничать, привлекая наше внимание и выпрашивая вторую очередь для себя. Я безразлично пожала плечами уступая. Мне вообще без разницы.

– Так, хватит возиться, – властно гаркнул Кропп. – Отбой!

Свет погас, едва все забрались на свои места. Прикрыв глаза, я дала им привыкнуть к почти полной темноте, прислушиваясь к возне, покашливаниям, тихому бормотанию и скрипу казенных коек. Мой мозг сначала привычно завис в пространстве чуткой дремы, покачиваясь на волнах от кратких периодов сна до почти полного бодрствования для быстрого зондирования окружающей обстановки. Вскоре вокруг стало совсем тихо, не считая разноголосого мужского храпа и сопения. Еще какое-то время спустя я встрепенулась, когда Хильда разбудила Мелинду, которая, к слову, отреагировала так быстро, будто и вовсе не спала. Обменявшись парой тихих фраз, девушки передали друг другу ответственность, и наци вскоре задышала ровно. А потом произошло нечто мне совершенно не свойственное. Может, дело было в непривычной тяжелой пище и чрезмерной сытости или во всем дне, забитом всякими нервными напряжениями, но я внезапно отключилась полностью. Понятия не имею, как надолго, но очнулась от еле слышного звука, больше всего похожего на придушенный писк или всхлип и шарканья. Мгновенно напрягшись, я прищурилась, сканируя все вокруг, и увидела движение в комнате чего-то большого. Присмотревшись еще сильнее, поняла, что кто-то рослый и здоровый тащит мелкую Мелинду в сторону выхода, зажав ей рот и практически вывернув голову, чтобы она не могла сопротивляться. Как только они выскользнули наружу, я бесшумно спрыгнула вниз и, крадучись, помчалась следом. Зенски, сраный ублюдок Зенски волок эту смазливую куклу, и о его намерениях не приходилось особенно гадать. Долю секунды я колебалась, спрашивая, должна ли я вмешиваться и есть ли мне до этого дело. Но тело действовало уже на автомате, движимое гневом, всегда бурлившим во мне по отношению к подобным скотам. Резко ускорившись, что есть сил вмазала ему пяткой в район правой почки. Урод взвыл, отпуская свою жертву и схватившись за пораженное место и открываясь. Не тормозя, я бросилась вперед, нанося мощный удар коленом в его пах. Заорав уже в голос, он рухнул на пол, и только я прицелилась превратить его гребаную мошонку в кровавое месиво ногой, как резко зажегся свет, временно ослепляя нас всех.

– Итак, как я и думал, у нас тут грубое нарушение правил, – с нескрываемым злорадством констатировал ниоткуда появившийся Кропп. – Встать всем к стене!

Глава 7

– Эта чокнутая тварь напала на меня! – завыл Зенски, прижав руки к яйцам, в то время как Мелинда торопливо исполнила приказ, прислонившись к стене спиной и тараща на всех перепуганные глаза и дрожа губами.

– Разве я сказал, что нуждаюсь в твоих пояснениях, придурок? – зарычал на него Крорр, нависнув угрожающей тенью. – По-твоему, я сам не в состоянии разобраться, в чем дело?

Бывший спортсмен съежился еще больше и начал покорно отползать куда приказано, в то время как ликтор перевел горящий обещанием скорой расправы взгляд на меня, буквально вынуждая последовать его указанию и встать рядом с Мелиндой. Та не сводила преданных, как у долбаного спаниеля, глаз с Крорра, всем своим видом демонстрируя покорность и невинность.

– Три новобранца покинули свои места после отбоя, пренебрегая прямым приказом командира, – процедил Крылатый, встав напротив нас и заложив руки за спину. – Думаю, пара дней в карцере научит вас больше так не делать.

Не-а, парой на меня впечатления не произведешь, ставки повышай.

– Прошу прощения, декурион Крорр, но я тут совсем не виновата! – проблеяла принцесса слез. – В этой ситуации я жертва.

– Да неужели? Вот прямо жертва? – язвительно спросил ликтор, и Мелинда неожиданно смешалась и уткнулась глазами в пол. Мне ее по-глупому стало жалко. Все же противостоять энергии гнева, мощно излучаемой здоровенным мужиком, совсем не просто. Сейчас зачморит дуру, и так ей и надо бы, если не может зубы показать, но...

– Подтверждаю, – нехотя вмешалась я, задаваясь вопросом, нахрена вообще с постели встала. – Я видела, как Зенски тащил ее к выходу, намереваясь изнасиловать.

– Войт, а я тебе слово давал?! – рявкнул командир, и выглянувших на шум из остальных комнат бывших зеков как ветром сдуло. Естественно, кроме Тощего, который с неподдельным любопытством наблюдал, не выходя за порог, как меня распекают, и этим дико отвлекал и бесил. Так и хотелось на него оскалиться и послать куда подальше. – На твоём месте я бы вообще молчал и начинал молиться!

– С какой стати? – ощерилась я на командира, но покосилась на дерзкого засранца.

– С какой стати, декурион Крорр! – жестко одернул меня начальник. – И с такой, что ты-то как раз обвиняешься в нападении на другого новобранца. Наказание – смерть.

– Мои действия были спровоцированы агрессивным поведением Зенски... декурион Крорр, – не собиралась молчать я.

– Какое, на хрен, агрессивное поведение! – заскулил насильник, почти совсем выпрямляясь и отцепив руки от мошонки. – Тебя я и пальцем не трогал, а мелкая сучка мне весь ужин намекала за столом на то, что хочет перепихнуться, и даже ногой по члену елозила! Все добровольно!

– Добровольно? – едва не вскипела я. – Да кто вообще с тобой добровольно станет...

– Картер, имело ли место в отношении тебя насилие со стороны новобранца Зенски? – оборвал меня ликтор и спросил девушку, почти не скрывая брезгливой насмешки.

– Вы имеете в виду сексуального характера, декурион Крорр, или это касается моего перемещения после отбоя? – елеиным голосом уточнила Мелинда, услужливо заглядывая ему в лицо, и я, зыркнув на нее, с удивлением отметила, что от прежнего выражения ранимой невинности не осталось и следа. Расчетливая довольная ухмылка исказила ее губы бантиком.

– Можешь дать развернутое пояснение, – кивнул Крорр и уставился теперь мне в глаза, словно не собирался пропустить интересное зрелище.

– Что касается намерения заняться сексом, то оно у меня действительно имелось, – непринужденно пожала мелкая сучка плечами. – У меня парня четыре месяца не было, что тут такого. Но я не давала согласия Зенски тащить меня наружу. Как и говорю, я тут ни с какой стороны не виновата. Запрета заниматься сексом на своем месте не поступало ведь. Он сам решил меня выволочь, а Войт вмешалась. Так что эти все разборки между ними, меня не за что наказывать.

Вот уж и правда дрянь. Гребаная хитрожопая шлюшка! А ты, Летти, идиотка, которая подписала себе только что смертный приговор.

– Эй, нечего делать меня виноватым, зараза! – обрел голос Зенски. – Ты меня дразнила и донимала, а когда поднял тебя, против даже не пикнула! Ты меня спровоцировала!

– Не понимаю, о чем ты! – поджала красивые губешки коварная девка. – Мне просто нужен был мужик с крепким членом, но ты, судя по всему, не такой, потому что зассал трахнуть меня в двух шагах от Войт!

– Да пошла ты...

– Молчать! – ревом ликтора нас разве что в стену не вжало, а моим барабанным перепонкам точно нанесен непоправимый ущерб. – Картер – завтра физическое взыскание за создание конфликтной ситуации.

– Что-о-о? Я же... – тут же всхлипнула Мелинда.

– Рот закрыла! Пшла на место! – Карие влажные зеньки распахнулись в испуге, а потом сузились, придавая лицу хитрой гадины мстительное выражение, но она быстро опустила голову, скрывая его, и торопливо шмыгнула в комнату. – Войт и Зенски, – вернул к нам свое внимание Крорр, и я брезгливо поморщилась: не хочу, чтобы мою фамилию ставили рядом с этим гадом, – физическое взыскание – раз, три ночи в карцере – два, никакого душа после тренировок и лишение пищи на этот же период – три. Будете получать только воду и то во время нагрузок.

– Какого хрена, я же не виноват... – противно занял недавний герой-любownik. – Не так виноват, как эта чертова Крушительница!

– Хочешь вывести меня еще больше? – как-то чересчур спокойно спросил Крылатый, но за этим хладнокровием было столько угрозы, что ее прекрасно расслышал даже этот тупица и замотал головой, смиряясь. – Прекрасно. Вперед пошли!

– Одеться можно? – топать не пойми куда всегда комфортней не в одном белье.

– Одна минута! – последовал жесткий ответ, и я не стала терять ни секунды.

– Зачем ты влезла, дура! – зашипела на меня Картер со своего места, пока я торопливо натягивала черную форменную кожу. – Обломала мне все, еще и проблем создала! Тоже мне спасительница хренова!

– Заткнись, дырка безмозглая! – глухо зарычала на нее Хильда. – Ты сюда напроросилась задницу под каждый хрен подставлять?

– Да все лучше, чем среди голодных баб до старости в тюрьме гнить! – огрызнулась озабоченная дрянь.

– Бедняжка! Так свербит, что под такого улюбка, как Зенски, лечь была готова? – не унималась волчица.

– Он, другой – какая разница?

– Никакой. Только учти: теперь если что – ты сама за себя. Пусть хоть порвут тебя как тряпку, а от нас с Войт помощи не жди!

Я не слышала, чем закончилась их перепалка, и уточнять, с чего это Хильда самовольно объединила нас с ней в некий союз, тоже в мои планы не входило, просто вышла в общий зал.

– Зенски, ты на свадьбу там собираешься? – гаркнул Крорр.

В этот раз впереди шагал бывший спортсмен, потом я, а замыкающим был ликтор, отдающий краткие «направо-налево-вниз» команды. Если поначалу и было приличное освещение,

то чем дальше мы шли и чем ниже спускались, тем темнее становилось. По моим подсчетам мы давно уже должны были оказаться где-то в толще скалы, и с каждым шагом осознание этого и сгущающаяся тьма давили на психику все больше. На очередном лестничном пролете я споткнулась и взмахнула руками, ловя равновесие или ища опоры, но почувствовала, что все равно лететь мне вниз, считая ребрами ступеньки. Но вдруг передо мной возникла упругая преграда, и легкие опять заполнил мощным потоком личный аромат Крорра. Он со скоростью молнии выбросил вперед крыло и, изогнув его, остановил мое падение. Впрочем, убрал декурион его с такой же нечеловеческой стремительностью, глухо проворчав что-то грубое о моей неуклюжести, так что я успела лишь кончиками пальцев правой руки мазнуть по внутренней стороне этой потрясающей части его тела. Горячее, сухое, с сотнями мелких выпуклых чешуек, похожих на россыпь множества драгоценных камней, которые захотелось поглаживать, изучая необычайную текстуру и ребристую поверхность крошечных граней. Мне пришлось тряхнуть головой, чтобы избавиться от напоминающей наваждение потребности обязательно прикоснуться еще раз. Наконец мы все же достигли коридора с рядом непривычно узких дверей с узнаваемыми запирающимися окошками. Ну вот и познакомлюсь с местным карцером, тюремный-то мне был как родной.

– Лицом к стене оба! – приказал Крорр и с по-настоящему зловещим лязгом и скрипом открыл первую дверь.

Увидеть, что внутри, я пока не могла, потому что первым командир решил определить моего оппонента. Зазвенело железо, и Зенски что-то попытался снова зануть, но последовал звук глухого удара, сдавленное «ох!» и снова звон. Ликтор вышел, практически протиснувшись боком в узкий проем, и с грохотом захлопнул дверь.

– Вперед топай! – велел он мне, и я двинулась вдоль по коридору, которому не было видно конца в полутьме. Если это дисциплинарная узница ликторов, то у них когда-то было до хренищи провинившихся, как я посмотрю.

– Стоп! – отдал указание Крорр, когда я уже решила, что мы будем идти до бесконечности. – Внутри!

Камера оказалась такой же ширины, как и дверь, по сути, каменный мешок, в котором Крылатый практически шаркал по стенам плечами. С потолка свешивались ржавые кандалы на цепях, выглядевшие чем-то средневековым.

– Руки вверх!

Холодный металл щелкнул на моих запястьях. Да, ночка мне предстоит веселая, судя по всему. Даже в углу свернуться не светит. К наказаниям тут действительно подходят основательно.

– Это и называется физическим взысканием? – без особой надежды уточнила я. И так ясно, что нет, раз принцесса слез не находится рядом.

– Еще раз обратишься не по форме ко мне – и удвоишь то, что уже получила, Войт! – без эмоций в голосе сообщил командир. Да ну и хрен с ним.

– Каково ощущать себя идиоткой? – спросил он, не торопясь уходить и наполняя крошечное помещение интенсивностью собственного запаха и присутствия. Это что-то делало со мной. Будоражило, царапало внутри, заставляя себя чувствовать беззащитной и почему-то предвкушающей не пойми чего.

– Тебе ведь не в первый раз совершать глупые геройства ради тех, кто этого не заслуживает. Неужели ты настолько тупа, что так и не научилась делать выводы?

Грубый ответ так и жег кончик моего языка, но я предпочла смолчать.

– Или ты считаешь, что это твоя великая миссия – мстить за всех обиженных и слабых духом, Войт? Ведь такой взгляд на жизнь позволяет внушить самой себе, что ты не просто кровожадная, жестокая сволочь, которая кайфует от насилия в чистом виде, а доблестная спасительница и чистильщица, да?

– Это, типа, сеанс психоанализа, декурион Кропп? У меня были и покруче, – безразлично констатировала я.

– В самом деле?

– Ага. Вам бы стоило начать с заверения, что вы мой друг и желаете помочь, и прочей лабуды в том же духе.

– Насколько я помню из твоего дела, ты воткнула в глаз карандаш своему последнему психотерапевту.

– Он это заслужил.

Не хрен было совать свои грязные лапы, где им быть не следует.

– И твой первый приемный отец, которого ты спалила заживо в его постели, тоже заслужил?

– Еще как.

Мне же нужна была уверенность, что он никого больше не станет избивать, прижигать сигаретами и насиловать, пока его лицемерная овца-женушка бьет поклоны и усердно молится, запершись в своей неприступной спальне. Чтобы утром заботливо ворковать над нами, замывая кровь, смазывая ожоги и впаривая, что «папа не злой, он просто очень сильно хочет нас, детей, рожденных от порочных родителей, наставить на путь истинный».

– Как видишь, наше государство и общество оказались не согласны с твоей самопровозглашенной ролью судьи и палача. И признали тебя обычной преступницей, опасной социопаткой. А ты сама готова признаться в том, что просто жить не можешь без насилия? Способна перестать прятаться за оправданиями? Тебе ведь нравится выплескивать свою агрессию, Войт, калечить, убивать. – Я подняла глаза к невидимому в темноте потолку, не собираясь отвечать. Игнорировать чьи-либо попытки добраться до моих эмоций мне не в новинку. Отвали, Крылатый.

– Запомни, ты это или признаешь наконец, или умрешь. Смерти боишься?

Все боятся. Но себя потерять я боюсь сильнее.

– Ладно, мисс Разговорчивость, спокойной тебе ночи!

Дверь лязгнула, шаги вскоре затихли, и я осталась одна в пространстве темноты, собственных воспоминаний и мыслей. Но ровно до того момента, пока до моего сознания не добрались звуки, от которых внутри все заледенело.

Глава 8

Темнота стусилась до полной непроглядности. Абсолютной настолько, будто на глаза надели плотную повязку. Сколько я их ни напрягала, то шурясь, то распахивая до предела, никакого привыкания не наступало, становилось только хуже. Померещилось, что прикосновение удерживающих руки оков пропадает, как и опора пола под ногами. Дернувшись, я услышала спасительное дребезжание железа, напоминающего об истинном положении в этом море мрака. Но стоило чуть расслабиться, и состояние невесомого нигде начинало быстро возвращаться. И это почему-то чертовски пугало. Казалось, поддамся ему – и вместе со всеми реальными ощущениями исчезнет и воздух, и я возьму и задохнусь.

– Ерунда, Летти, – хрипло пробормотала, только чтобы слышать свой голос, – такого быть не может. Просто глючит тебя. Расслабься и потерпи. Ночь не длится вечно.

Я задрала голову и стала методично трясти кандалы, слушая это монотонное звяканье, пусть самих своих рук и не могла видеть. Кисти, запястья, шея и плечи вскоре устали и заныли, но это опять же было хорошим напоминанием о реальности. К сожалению, вскоре это перестало помогать или же мои конечности затекли и отказались слушаться, но ощущение было такое, что сама окружающая тьма уплотнилась и поглощала звуки. Точнее, уничтожала одни, чтобы заменить их другими. Послышалось нечто вроде очень далекого вопля, пропитанного ужасом и страданием, но его заглушило странное шуршание, от которого все тело моментально покрылось холодным потом. Будто кто-то гигантский терся шершавой шкурой одновременно обо все стены, пол и потолок моей камеры, и от этого она, и без того крошечная, сжималась еще сильнее, грозя вот-вот стиснуть в смертоносных каменных объятиях, а затем и раздавить. Я принялась глубоко и шумно дышать, прогоняя неуместные страхи и слуховые галлюцинации, и они действительно отступили, но из-за гипервентиляции перед глазами заплескали световые пятна, постепенно расширяясь и заполняя окружающее пространство. Появились смутные непонятные очертания, словно я смотрела сквозь полусонную дымку. Во рту пересохло, в голове ритмичный грохот и еще эта противная вонь. Резкая, химическая, от которой сводило желудок. Оглядевшись еще раз, я содрогнулась от отвращения и давно запрятанного вглубь сознания ужаса, узнав проклятую спальню Мартина Влонски – нашего так называемого отца, гребаного садиста-усыновителя. Но страшнее, чем оказаться здесь снова, было понять, что лежу я на его сраной постели и едва могу пошевелиться, а нечто вонючее и маслянистое продолжает литься на меня, пропитывая одежду. А в следующее мгновение в полутьме спальни вспыхнул огонек, осветивший искаженное дикой ненавистью детское лицо. Мое лицо.

– Надеюсь, ты не умрешь быстро, а будешь очень долго мучиться! – сказала я двенадцатилетняя с дьявольской ухмылкой себе же нынешней, беспомощно распростертой на кровати, и швырнула горящую зажигалку на грудь.

Пламя вспыхнуло сразу же, охватывая все тело и постель, пронзая невыносимой болью и жжением, и я заорала во всю глотку, но крик мгновенно прервался, когда мощный поток жара ворвался и в легкие, сводя их спазмом.

Я очнулась, снова оказываясь в темноте, корчась в оковах, будто вся моя кожа действительно только что полыхала и слезала клочьями. Вот, значит, что пережил наш мучитель перед смертью. Странное состояние охватило меня. С одной стороны, нутро сводило от отвращения, воротило от беспощадной жестокости пережитой картинки, вони горячей плоти, но при этом ни единой капли вины или сочувствия во мне не зародилось. Даже наоборот. Губы сами расползались в жесткой ухмылке, прямо как много лет назад, только теперь в душе не нашлось испытываемого тогда страха, только холодное торжество. Переживание его боли на собственной шкуре не породило во мне сомнений или жалости. Он заслужил.

– Он заслужил! – крикнула я окружающей тьме. – Хрен вам, а не раскаянье! Верните меня туда, и я сделаю это снова!

Или мое видение длилось гораздо дольше, чем мне показалось, или подъем тут был слишком ранний, но Крорр явился за мной очень скоро. Очевидно, в темноте ликторы видели прекрасно, потому что он сначала внимательно изучил меня, прежде чем отстегнуть кандалы. Удивительно, но отчего-то мне пришло в голову, что сейчас от него не исходило флюидов прежней холодной враждебности, скорее любопытство и настороженность, будто он размышлял, как же я себя поведу в следующий момент.

– Есть что сказать мне, Войт? – спросил он без особого любопытства.

– Доброе утро, декурион Крорр, – проскрипела я, мечтая о глотке воды.

– А оно доброе? – хмыкнул он и неожиданно что-то поднес к моим сухим губам.

Инстинктивно я шарахнулась, заработав еще одно пристальное рассматривание с его стороны, а затем он сунул мне в руку бутылку. Не собираясь изображать никчемную сейчас гордость, я, кривясь и сопя, взяла ее в дико затекшую и едва-едва послушную конечность и жадно приложилась, выпив за раз треть.

– Не увлекайся, – проворчал командир, отобрал емкость, закрутил крышку и, как бы невзначай, поставил ее на пол у стены. – Так что, кошмары не одолели?

– Скорее уж на редкость приятные сны, – буркнула я.

– Хм... – вот и вся его реакция.

Он практически вытолкнул меня в коридор и жестом велел идти. Я послушалась и принялась на ходу махать и крутить руками, возвращая им полную чувствительность. Вообще-то, после нескольких часов неподвижности в таком положении я ожидала зверской боли и гораздо более долгого возвращения в норму, но, на удивление, пока мы достигли камеры Зенски, я уже чувствовала себя в полном порядке. В этот раз я без напоминания встала лицом к стене, пока Крорр отпирал дверь и протискивался освобождать озабоченного козла. Подумалось только, что наверняка кого-то такого здорового и габаритного, как наш командир, в этих каморках должны посещать приступы клаустрофобии. Если, конечно, драконьи ликторы в принципе подвержены хоть каким-то фобиям.

В камере особенно громко зазвякало, будто кто-то забился в оковах, и раздался нечленораздельный вопль, очень напоминающий тот отголосок, что я слышала ночью, а потом раздался рык Крылатого:

– А ну тихо!

Зенски вышел в коридор, шаркая, как старик, голова опущена, плечи поникшие, лицо чересчур бледное, и это не скрывало даже здешнее поганое освещение. Никаких вопросов ему Крорр не задавал и, как я понимаю, водичкой от щедрот своих тоже не снабдил. Это что-то значило? Если и да, то не стоит на этом заикливаться.

Я пошла впереди, бывший хоккеист плелся следом, все так же подволакивая ноги, из-за чего наш командир постоянно его подгонял. К моменту, когда мы достигли общего зала, там уже выстроились вдоль стены оставшиеся члены нашей бронзовой группы, и точно так же собирались другие, подчиняясь командам своих начальников. Мы встали в строй, и тут один из парней случайно коснулся плечом Зенски, и тот, завопив как девчонка, шарахнулся от него. Замер, глядя дикими глазами и дыша захлеб. И тут до меня дошло. Если в драконьем carcere действует какая-то магическая хренотень, вынуждающая испытать все то, что ты заставил пережить других или вроде того, то, выходит, ублюдок этой ночью был жестко оттрахан и унижен в своих видениях. Попробовал на своей поганой шкуре каждый мерзкий приемчик, которому подвергал своих жертв, после чего девчонки руки на себя накладывали. Считайте меня конченой сукой, но лучше прямо не придумаешь! Это даже вам не яйца в болтунью превратить. Не сдержавшись, я фыркнула, привлекая всеобщее внимание.

– Ну и как оно, Зенски? – хотелось спросить, злорадно ухмыляясь, приятно ли ощутить себя беспощадно отодранным, использованным и смешанным с дерьмом? Но провокация на агрессию у нас ведь тоже тут наказуемое деяние.

– Заткнись, тварь! – зашипел он на меня. – Только посмей сказать...

– Живо все за мной! – не дал договорить ему Крорр и с места сорвался на такой быстрый шаг, что нам пришлось бежать трусцой, чтобы поспевать за ним.

Спустя несколько минут мы дорысили до уже знакомого по вчерашнему прибытию двора, и пришлось щуриться и прикрывать глаза от косых и чрезмерно ярких после внутреннего полумрака лучей солнца. Как только глаза привыкли, я позволила себе секунду полюбоваться поразительной палитрой здешнего утреннего неба. После мутно-серых городских рассветов это буйство красок от густо-малинового до золотистого, с миллионом оттенков между было чем-то шокирующим. На самом деле, vareжку раззявила не одна я. С десятков новобранцев из разных команд стояли, задрав головы, в то время как наши более исполнительные и практичные спутники быстро разбирали небольшие рюкзаки, сваленные кучей прямо на каменной плитке. Среди придурков вроде меня самой, неожиданно решивших проникнуться красотой момента, был и Тоший. Но при этом он все же отличался от нас, даже не смогла бы объяснить чем. Стоял, запрокинув голову, как тогда в душе, и его острый от такого положения кадык пару раз дернулся, будто он реально пил эти окутывающие его долговязую фигуру многоцветные световые потоки-ленты, жадно глотал их и одновременно впитывал всем телом, и смотрелось это поразительно гармонично, а совсем не глупо. Но продлилось всего несколько мгновений и, собственно, имело шансы мне вообще почудиться. Он всего лишь шею разминал с утра пораньше, а мне после ночных глюков еще и не то могло померещиться. Схватив рюкзак, в котором что-то увесисто булькало, я пошла за остальными к поджидающему нас транспорту. В этот раз нас не стали приковывать, просто ликторы повелительными жестами отсортировали «своих» от чужих, заставив разместиться группами, а сами встали между нами с каменными лицами, следя за порядком.

Летели мы около получаса и высадились в каком-то гребаном нигде, посреди целого моря ониксового песка. Поблескивающая и отливающая радугой гладь была впереди, сзади, справа и слева, и никаких чертовых ориентиров. Нас выгнали под уже начинающее хорошо греть солнце, и транспорт, не мешкая, поднялся и улетел, обдав нас целой тучей острых песчинок.

– Итак, новобранцы, – встал перед нами Крорр, в то время как остальные трое ликторов вели между собой какую-то светскую беседу, даже не глядя на подопечных, – с этого момента начинается первый этап ваших тренировок. Носить они будут пока общий характер для всех и направлены на повышения уровня вашей выносливости. Задача проще некуда – бежать отсюда и до обеда.

Уголок его рта чуть дернулся. Очевидно, Крылатый находил сказанное и самого себя забавным. Или ему так нравилось непонимающее выражение наших физиономий.

– Поясняю для интеллектуально ущербных: если хотите получить свой обед, то доберетесь до цитадели в установленное время, то есть к двум часам пополудни. Время рассчитывайте по положению солнца. Направление – строго на запад – тоже сверяйте по нему. Если опаздываете на обед, но хотите не быть сожранными местными пустынными тварями ночью, то доплететесь хотя бы до заката. Никого спасать, тянуть насильно мы не станем. Кому ближе роль покорной падали, тот ею и станет. Все понятно?

Раздался нестройный хор, подтверждающий, что хоть никого поставленная задача не обрadowала, но суть все поняли.

– Вопросы есть? – распахнул ликтор крылья и сам себе ответил: – Вопросов нет. Вперед!

Толпа ломанулась в ту сторону, где растворился в небе наш транспорт, я же, позволив им промчаться, спокойно пошла в быстром темпе. Ликторы замахали крыльями со странным глубоким посвистом, от которого, кажется, подсакивали все внутренности, и потихоньку набрали

высоту. Через полчаса моего продвижения далеко в хвосте колонны бегущих придурков разрыв между мной и ими сократился, потому что появились выдохшиеся. Надзиратели кружили высоко в небе, похоже, наслаждаясь самим полетом и нисколько не озадачиваясь происходящим внизу. Хотя нет, я ошиблась. Бронзовый спикировал почти к самой земле, зависнув в метрах пяти от меня и опять устроив песчаный душ. Крорр, ты, мать твою, прямо милаха! Я так люблю скрип на зубах и резь в глазах.

– В таком темпе ты не доберешься до цитадели до обеда! – холодно сообщил он мне.

– Ну вряд ли мне стоит об этом беспокоиться, декурион Крорр, – процедила я и сплюнула песок. – Вы ведь меня все равно его лишили, так что с моей стороны умнее экономить энергию.

Солнечный свет увязал и полностью поглощался густой чернотой хлопающих живых полотен, и даже граненые чешуйки не отражали его, а будто впитывали, преломляли внутри и изменяли его суть на глубокое темное сияние. Эй, надо уже, в конце концов, перестать пялиться на чертовы крылья!

– Хм... – снова это не пойми что значащее хмыканье, и он рванул вверх к остальным командирам. Ну и прекрасно, чем дальше начальство, тем меньше вероятности схлопотать новых проблем.

Глава 9

Первые выбывшие из гонки к цитадели появились пару часов спустя, когда солнце стало припекать уже изрядно. Девчонка с синей нашивкой на плече лежала, уткнувшись лицом в песок, и едва дышала. Судя по всему, этот драконий Дар жизни действовал не на всех одинаково сильно. Я пока не ощущала усталости, несмотря на поганую ночь в карцере, хотя топтать по жаре в коже не казалось мне удачной идеей руководства. Но на то оно и начальство, чтобы плевать на наши неудобства с высоты своего полета. Впрочем, хоть пот и лился ручьем под формой и кожаный материал совсем не выглядел дышащим, однако же как-то лишняя влага отводилась, и я не чувствовала себя сельдью в банке, болтающейся в собственном соку. Наклонившись над брюнеткой, я перевернула ее на бок, подумав, что уткнуться носом в местный песок не самое удачное положение для того, чтобы чуть передохнуть. Расстегнула ее рюкзак и вытащила трехлитровую бутылку с водой и длинной гибкой трубкой с мягким наконечником. Удобная штукавина, чтобы посасывать воду на ходу, ничего не скажешь. Открутила крышку и, расходуя воду чрезвычайно экономно, смочила ей волосы и обрызгала лицо и шею. Своей пайкой жидкости я делиться ни с кем не намерена. В конце концов, если эта размазня наберется решимости, то дойдет и на том, что осталось, а нет – так ей вода и вовсе ни к чему. Ресницы девушки дрогнули, и она открыла глаза, уставившись на меня. Узнав, дернулась отползти.

– Ой, да не парься! – фыркнула я, ставя ее бутылку перед ней. – Хотела бы я тебе навредить, не стала бы дожидаться, пока очухаешься.

Я поднялась, намереваясь уйти. Нянчить никого не собираюсь.

– Очень советую тебе взять себя в руки и начать шевелить задницей, – бросила ей через плечо, – застрянешь тут до ночи – и утра уже не увидишь. Я читала, что местные сколопендры – размером с таксу и передвигаются целыми стаями. Даже один укус парализует полностью, но не лишает сознания. Будешь лежать бревном и наблюдать, как они жрут тебя заживо.

Брюнетка подскочила так стремительно, будто мечтала победить гравитацию и перестать касаться песка вовсе, и помчалась за мной, на ходу упаковывая емкость с водой обратно. На фоне темных, да еще и влажных волос ее лицо казалось бледным до зелени.

– Меня Вероника зовут! – сочла нужным сообщить она, сопя, как паровоз, в паре метров позади меня.

Я промолчала. Будто мне не насрать.

– А ты – Войт, я знаю. – Очевидно, у кое-кого центр речи был напрямую связан с ногами. – Я много слышала о тебе. Ты, типа, моя героиня и все такое. Правда, немного пугающая, ага. Ладно, сильно пугающая, но это объяснимо. Даже парни в нашей группе побаиваются тебя и ненавидят. По крайней мере, они так говорят. Но я видела, как некоторые на тебя украдкой посматривают. Ты им нравишься. Ты очень привлекательная, знаешь? Хоть и очень мрачная и замкнутая.

– Скажи, ты сама от жары в обморок лягнулась или тебя кто-то из твоей группы вырубил, просто чтобы заткнуть? – не выдержав, рыкнула я, косясь на нее. Ну бесит же!

Вероника обиженно поджала губы, засопев еще громче, и пару минут все же топала молча. Благодать, ей-богу! Даже как будто солнце стало печь меньше в тишине. Но хватило ее ненадолго.

– Я упала не потому, что какая-то слабачка! У меня есть уважительная причина! – с четко слышимым возмущением заявила она.

Я зыркнула на нее и прибавила шаг, стискивая челюсти от раздражения. От этого на зубах заскрипело, и я одарила никчемную спутницу еще одним злым взглядом. Который она, судя по всему, сочла признаком моего внезапно возникшего интереса к ней. К сожалению.

– Я беременна, ясно? Четыре недели. Поэтому и упала в обморок.

– Ну и на хрена ты мне это вывалила? – сквозь зубы спросила я, невольно все же замедляясь, чтобы эта зараза таки могла не отставать. – На кой черт ты вообще подписывала договор с Корпусом, если знала о беременности?

Вот с чего бы мне этим интересоваться? Краем глаза я заметила еще двух отставших новобранцев. Один парень сидел на заднице, раскачивался и реально плакал, как первоклашка, второй же тащился еле-еле. Приблизиться я и не подумала. Хватит мне и одной, болтливой, как сорока, спутницы.

– Ну, это все была идея моего адвоката, – оживилась Вероника, явно обрадованная тем, что дождалась от меня хоть какого-то интереса. – Сначала она посоветовала мне соблазнить охранника и залететь, чтобы иметь право просить о снижении срока или хотя бы о лучших условиях содержания. А потом подвернулась эта фигня с Корпусом. Мы пошевелили мозгами и поняли, что это вообще супер вариант.

– В самом деле? – ядовито скривившись, спросила я, ощущая прилив острого отвращения к этой с виду милой девушке. Забеременеть ради скошухи по сроку – ну разве она не прелесть гребаная? Хрен с ним, с тем, чтобы лечь под охранника – у всех свои принципы. Вон Мелинда и на Зенски была согласна ради члена, но, сука, ничего, что в результате этого на белый свет должен явиться еще один никому не нужный ребенок? Тот, кому наверняка придется мыкаться по приютам и приемным семьям. Живая душа, на чье существование будет плевать этой его заразе-мамаше, потому как ребенок для нее – лишь инструмент для достижения некой цели. Остро захотелось прибить ее адвоката, да и саму эту мерзавку до кучи.

– Точно-точно, – закивала Вероника, видимо, абсолютно не замечая кровожадности в моем взгляде. – Вот прикинь: как только мы подписываем договор с Драконьим корпусом, то сразу же освобождаемся от любого преследования других органов власти и, собственно, выбываем из-под надзора системы. А как только выяснится, что у меня скоро живот на нос полезет, то меня и отсюда отбракуют. О-па – и я уже на воле!

– На воле, говоришь? – Чтобы не врезать ей ненароком, развернулась и понеслась вперед вдвое быстрее, чем прежде. – Если ты сдохнешь сегодня в пустыне, свободы тебе точно не видать. И кто, мать твою, сказал, что ликторы не поступят покруче, чем ты планируешь? Например, дадут тебе доносить и родить, а потом пустят тебя в расход так или иначе.

– Зачем ты мне это говоришь, Войт? – задрожавшим голосом спросила Вероника. – Неужели так необходимо пугать меня?

– Пугать тебя? Пугать, мля? – взорвалась я. – Тебе стоит быть напуганной, безответственная ты идиотка! Не хочешь еще поразмыслить и над тем, что за ребенка ты родишь после этой долбаной драконьей прокачки? Мы-то и сами не пойми в кого превратимся, а он? Тебя это хоть сколько-то колышет?

Все! С меня хватит! Я почти бежала вперед, стремясь избавиться от этой тупой овцы поскорее.

Где-то еще около часа пути и как минимум ста тысяч жалоб и причитаний Вероники спустя я, перевалив через небольшую дюну, практически налетела на тело парня, валявшегося в любимой тут, похоже, у всех позе – мордой вниз. Бронзовая нашивка и слишком узнаваемая внешность. Засранец Зенски сдулся, что являлось поводом внезапно проникнуться верой в высшую справедливость провидения. Поводом являлось, но верить я давным-давно разучилась. Осмотрелась, испытывая буквально непреодолимое желание найти что-либо тяжелое, дабы обрести твердую уверенность, что ублюдок именно здесь и встретит приход заката. С другой стороны, с чего бы мне хотеть облегчать его судьбу? Пусть местные шустрые зверюшки озаботятся утилизацией этого дерьма рода человеческого, а он получит непередаваемые ощущения в процессе. Сплюнув на широкую спину Зенски, я обошла его и пошла дальше.

– Войт, сзади! – раздался истошный вопль Вероники, и в следующее мгновение что-то захлестнуло мою шею и стало сжиматься с дикой скоростью, грозя сломать гортань раньше, чем задушить.

– Тварь! Какая же ты тварь! – шипел ядовитой гадиной Зенски, сдавливая чем-то мою шею все сильнее. Гребаная ляпка с рюкзака – вот что это было, констатировала я, пытаюсь нанести агрессору удары локтем в бок достаточно мощные, чтобы заставить отпустить меня или хоть немного отвлечь.

– Ненавижу вас, шкуры тупые! Оказался в этом дерьме! – почти бессвязно плевался и рычал урод, продолжая отнимать у меня шанс на жизнь. – Но ты хуже всех, сука! Не пойду больше в этот карцер! Сам сдохну, но и тебя замочу!

Мой локоть точно достигал цели, но, очевидно, козлина совсем сбрендил, и, кроме сдавленного уханья, результата не было. Извернувшись, я дотянулась до его лица и воткнула ногти вслепую, раздирая все, что попадалось, в то же время стараясь выломать в обратную сторону один из его пальцев на моем горле. Завопив, он толкнул меня вперед, падая мне на спину всей своей тушей. Ребра взвыли, лицо уткнулось в песок, позвоночник взорвался болью, сознание помутилось. Пришло время помирать, Летти!

– А-а-а-а! – тонкий девчачий визг донесся на грани сознания, а потом целая серия глухих бум-бум-бум. – Отпусти ее, подонок!

Это Вероника? Нет, серьезно?

– Убью! – захрипел Зенски, но вдруг стал валиться с моей спины после очередного особенно громкого «бум».

Один вздох – за счастье, и мне удалось извернуться, ударяя обоими ботинками Зенски в бок, одновременно оттолкнувшись от него подальше, но сволочь опять молниеносно оказался на ногах. Занес сжатые в замок огромные кулачищи, метаясь мне в лицо, и снова я лишь чудом ускользнула, перекатившись по песку.

Странный посвист и низкое уханье крыльев тормозящих перед посадкой ликторов. Что, сейчас опять я буду в чем-то виновата?

В глазах окончательно прояснилось как раз в тот момент, когда в руках Крорра, возникшего прямо надо мной, сверкнуло отливающее синевой, тонкое длинное лезвие. Один удар в район желудка Зенски и смачный, перерубающий позвоночник проворот, сопровождаемый истошным воплем. Не убит, но уже, считай, мертвец. С невозмутимым лицом и окровавленным мечом Крылатый повернулся ко мне, растирающей шею под всхлипывания Вероники.

– Она не виновата! Этот придурок сам напал на нее, Войт ничего ему не сделала!

Вот же блин, эта бесящая девчонка с дрожащим голосом и полной головой гнилых опилок удивила меня. Дважды за каких-то пару минут.

– Войт, в состоянии продолжить выполнение задания? – сухо поинтересовался ликтор, удостоив Веронику лишь мимолетным взглядом.

– Да, – просипела я, – я готова, но эта девушка нуждается в эвакуации и отмене данной нагрузки из-за своего особого физического состояния.

– Мы в курсе ее так называемого «особого состояния», – произнес синий ликтор, приземлившись лишь секундой позже Крорра. – В поблажке отказано.

И устроив нам очередную песчаную мини-бурю, оба опять умотали в небеса.

Глава 10

– Ну и засранцы они все-таки, хоть и обалденные, – проворчала Вероника, пока я собиралась с силами, чтобы продолжить путь. – Могли бы и пожалеть тебя после такого.

– Не надо меня жалеть, – все еще силно выдавила я. – Никого из нас не надо. Мы тут вообще-то не за то, что написали похабное слово на заборе, все очутились.

– Согласна, – вздохнула девушка. – Как ты? Где болит?

Везде, но это не смертельно и совсем не ново для меня. После тренировок с Лукасом, я, бывало, ощущала себя в разы похуже. Его вечный принцип – чем жестче на тренировке, тем легче в реальной драке... Я плеснула воды на голову и сделала десяток глотков, вот только они не помогли притушить жгучую боль в центре груди. На самом деле, ничего не помогало, хотя основную часть времени мне удавалось отгородиться от мыслей о нем. Но если уж накрывало, то обычно жестоко.

– Да в порядке я, – огрызнулась я на Веронику, поднимаясь на ноги. – Давай двигаться, день вечно не продлится.

Истекающий кровью Зенски простонал, уставившись на нас остекленевшим взглядом, и я отвернулась, поморщившись. Одно дело самой в ярости желать причинить кому-то вред или даже убить, но другое – наблюдать за мучениями того, кому кто-то вынес приговор и привел в исполнение. Свершение насилия отличается от наблюдения за его процессом. А может, и нет, и это я чисто загоняюсь на пустом месте или, как Кропп сказал, мысленно рисую себе ореол особенности, стараясь использовать красочки посветлее, поменьше багрового и черного. В любом случае оставаться рядом с полутрупом нет никакого желания.

– Чем ты его так приложила? – спросила Веронику уже на ходу.

Я ведь в этой чертовой пустыне не заметила ни единого камня или палки.

– Бутылками! – жизнерадостно сообщила девушка. – Он-то свою бросил вместе с рюкзаком, после того как ляжку откурочил, чтобы на тебя напасть. А я подобрала, к себе засунула и... вот.

– Спасибо за помощь... хоть я и не представляю, зачем ты влезла.

– Ну, знаешь... сегодня я тебе, завтра, может, ты мне... – пожалала Вероника плечами, и я, покосившись в очередной раз, не увидела на ее лице прежнего выражения туповатой беспечности. – К тому же разве так не должны поступать нормальные люди?

– Нас тут сложно назвать нормальными. Скорее уж, мы полная противоположность нормальности.

– Ну и что? Если мы вели себя гадко всю свою жизнь и даже еще буквально вчера, это совсем не значит, что не имеем права захотеть вдруг измениться. Такое происходит с людьми, Войт, я верю. Вот только что ты мерзавец, эгоист и убийца и вдруг – пуф-ф! Хочешь стать кем-то другим!

– Другим? – ухмыльнулась я, считая эти ее рассуждения полной хренью. Но кто я такая, чтобы переубеждать ее и сообщать, что люди внезапно способны меняться только в худшую сторону и никак иначе. Мой жизненный опыт утверждал именно это.

– Да, другим. Кем-то, кем однажды смогут гордиться наши близкие, – продолжила разглагольствовать Вероника.

– Ну, мной гордиться некому, – отрезала я. Если и сбегу отсюда как-то, то приближаться когда-либо к сестре я не намерена. Без меня ей всяко лучше будет. – Так что поводов меняться постепенно или внезапно не вижу. А теперь замолчи и шевели ногами побыстрее.

Вероника старалась, я это готова признать, но все равно нам приходилось останавливаться где-то каждые полчаса. Если честно, мне и самой были нужны эти передышки, потому как ребра жгло нещадно и в районе поясницы набирала обороты боль. Но не признаваться же

мне в таком этой трещотке, когда есть прекрасная возможность ворчать на нее за задержку. В какой-то момент я осознала, что ее словесная диарея меня больше не раздражает, скорее уж успешно отвлекает и от собственных ненужных сейчас мыслей и воспоминаний, и от мучительной пульсации в некоторых местах тела. Но, однако же, чем ближе был вечер, тем сильнее падал темп Вероники. Она выдыхалась и теперь окончательно. Но радовало, что скала с цитаделью ликторов появилась на горизонте с час назад, и мы к ней медленно, но неуклонно приближались.

Сзади вдруг стало подозрительно тихо, и, обернувшись, я увидела спутницу лежащей ничком.

– Да что, на хрен, тут у всех за прикол такой, мордой в песок упираться? – зарычала я, возвращаясь и переворачивая девушку.

– Я капельку полежу и встану! – прошептала белыми губами она, не открывая глаз.

– Я тебе полежу, дура! – шлепнула я ее по щеке. – Вокруг посмотри! Солнце садится, а нам еще километра два топать! Подъем!

Схватив ее за руку, я перекинула ее через свои плечи и потянула симулянтку с земли. Моя грудная клетка отозвалась на это резким возмущением, но я стиснула зубы и потащила Веронику вперед.

– Ноги чаще переставляй давай! – прорычала на нее. – И брось к чертям этот гребаный рюкзак! Переживем без воды уже как-нибудь.

– Надо же, девчачьи обнимашки! – послышался со спины ехидный голос Тощего. – А если я вас очень попрошу, вы для меня засосетесь? Слышал, что это охренеть какое жаркое зрелище вживую.

Я развернулась со всей возможной стремительностью, отпуская Веронику и позволяя ей очутиться за моей спиной. Прищурилась на непонятно как подкравшегося засранца, принимая оборонительную стойку и пытаюсь прочесть по его лицу возможные намерения. Как он вообще мог быть позади нас? Между прочим, очень стратегически умно, учитывая, что садящееся солнце, нещадно бьющее лучами из-за его спины, заставляло напрягать глаза, чтобы точно его отслеживать. Конечно, мне могло и показаться, что видела его в группе быстро умотавших к цели форвардов. Но абсолютно точно его не было среди отставших или валявшихся на песке. Его бы я однозначно не пропустила, слишком уж узнаваем. Он что, целиком тут закапывался, пережидая самое пекло, как местные пустынные твари, или гулял по окрестностям в поисках природных красот? Хотя сейчас важно лишь то, намерен ли он на нас напасть. Тощий ответил на мой настороженный прицеливающийся взгляд своим фирменным нахально-беспечным, окинув им с ног до головы, но вдруг резко помрачнел, уставившись на мою шею. Наверняка там уже набирал цвет красивущий синяк во все горло.

– Смотрю, твоя пробежка, Войт, прошла гораздо насыщеннее моей, – усмехнулся он. – Что, опять нашелся придурок, решивший, что шанс облапать твои классные титьки стоит дикой боли в яйцах? Я, конечно, не утверждаю, что они того не стоят, но есть же цивилизованный способ уболтать тебя дать их потрогать, не сопровождающийся ударом твоего колена между ног. Ведь есть же? У всех женщин он есть, хотя я опять же не собираюсь утверждать, что ты такая, как все. Не-а, нисколько.

У меня что, сегодня день какой-то особенно урожайный на не способных держать рот закрытым идиотов? Зубы мне заговаривают? Отвлекает?

– Какого черта тебе надо? – и не подумала расслабиться я. – Идешь – иди себе мимо.

– Да ладно тебе, Войт, посмотри, он ведь вроде хороший парень! – влезла не в свое дело Вероника. – Выглядит безопасным, не то что всякие громилы.

Да неужели? Это он-то безопасен? Где твои глаза, бестолочь?

– Да, посмотри на меня, – поддакнул наглец, делая невинную физиономию, в то время как в глазах у него черти плясали грязные танцы, – я же просто символ безопасности.

– Ага, к тому же вместе идти веселее. – Ну ясно, Веронику понесло.

– А я сказала, что веселья тут ищу? – рыкнула на нее.

– Нет, но я же вижу, как тебе тяжело меня тащить, болит вон поди все после этой драки. – Вот спасибо, давай выболтай ему все. – А парень нам мог бы помочь.

– Ага, я мог бы, – продолжил скрытно глумиться Тощий. – Я вообще много с чем тебе помочь готов, Войт. Ты только моргни.

– Во-о-от, видишь! – Она что, реально слепая и не видит, что он просто забавляется за ее счет, используя, чтобы злить меня. – Как тебя зовут?

– А как бы тебе хотелось меня звать? – Что за кретинизм, говорить с ней, при этом глядя в глаза мне.

– Мне всегда нравилось имя Итан, – щебетала Вероника, уже всюю хлопая длинными ресницами и откровенно флиртуя, не обращая внимания на то, что весь этот придурочный диалог происходит вроде и с ее участием, но все же мимо нее. И главное, вся такая оживленная, будто и не изображала тут только что помесь бледной немочи с умирающим лебедем. Вот прям снова бесит еще сильнее прежнего.

– Войт, как тебе «Итан»? – ехидно подмигнул Тощий.

– Думаешь, мне не наплевать? – фыркнула я и скривилась от боли в ребрах от резкого выдоха. – Кончай играть тут и вали куда шел. И называться вымышленными именами – редкая дурость.

– Странно, а мне казалось, что тебе по вкусу эта фигня с «придумай парню имя», учитывая, что именно ты это начала тогда в душе, – он сделал большие, якобы изумленные глаза и хмыкнул. – А-а-а, я понял, ты тогда не мне имя подбирала! Ну тогда у тебя совсем беда с этим! Войт, без обид, но выбор имен – точно не твое. Может, курсы повышения квалификации в прозвищах есть какие и...

Так, время идет, и с меня хватит этой забавы.

– Слушай, Итан ты там или «мне-наплевать-кто», но или говори, чего тебе нужно, или отвали от нас по-хорошему.

– Ух ты, а может быть еще и по-плохому? – не упустил возможности съерничать гадкий анимешка.

– Такая вероятность есть всегда, и она стремительно растет, учитывая, насколько ты меня раздражаешь.

– Да ладно, ребята, все же нормально, давайте просто пойдём вместе, – заныла Вероника, но никто не обратил на нее внимания.

– А потянешь сейчас по-плохому-то, Войт? – ухмыльнулся псевдо-Итан, явно бросая мне вызов. – Не лучше ли ласково? Я могу и так.

– Отвали! – практически выплюнула я, напрягаясь, и напротив Тощий отзеркалил мою агрессивную позу, но только на секунду.

Потом сразу расслабился, оскалившись в беззаботной самоуверенной улыбке.

– Да ладно тебе, Войт, чего ты злючка-то такая? Ну шел себе парень, увидел, как две горячие девчонки обнялись. Дай, думаю, предложу себя в качестве третьего, вдруг же обломится. Кто меня за такое осудит? Тройничок с двумя роскошными цыпочками – мечта любого мужика! Клянусь, если тебе кто скажет, что не передергивал, мечтая о таком, и даже порнушку с этой тематикой не смотрел – смело плюй в лицо и посылай на хрен лицемерного ублюдка! Я был бы сама самоотверженность, честное слово. Все для удовольствия дам, ничего себе. Но нет, так нет, – стреляя в меня словами со скоростью автомата, он прошел с беспечным видом мимо и, оттопырив локоть, предложил Веронике за него уцепиться, что она тут же и сделала. – Пойдем просто провожу, как настоящий галантный кавалер, авось в следующий раз это работает в качестве бонуса.

Парочка незатыкаемых говорунов потопала вперед, болтая черт знает о чем. Ну и слава яйцам, уж мне без них по-любому лучше. Я ускорилась, обгоняя их, и двинулась вперед настолько быстро, насколько могла себе сейчас позволить, не схлопотав острую боль в ребрах. Но спустя пару минут как-будто-Итан догнал меня и пристроился рядом, а Вероника болталась на его спине вместо рюкзака. И болтала-болтала-болтала, причем прямо ему в ухо! На подходе к подножью скалы лицо Тощего было уже мрачным, как туча, а голову он держал так, словно ему слегка шею перекосило. Меня же его страдальческий вид стал настолько веселить, что в огромный грот, служивший началом одного из коридоров, я влетела с широкой злорадной усмешкой. Но она тут же погасла, когда я наткнулась на холодный осуждающий взгляд Крорра.

Глава 11

За спиной у Бронзового маячили остальные ликторы, очевидно, тоже дожидавшиеся своих отставших подопечных. Мне почему-то показалось, что они к тому же с большим интересом наблюдали и за моим командиром. Но долго рассматривать их и раздумывать над причинами этого возможности у меня не было.

– Судя по твоему настроению, Войт, ты решила, что побывала на увеселительной прогулке, которая была организована лишь для того, чтобы ты развеялась после скучного долгого пребывания в замкнутом пространстве тюрьмы, а не для выполнения четко поставленной задачи в строго обозначенный отрезок времени?

Ну, допустим, скуку в тюрьме тоже можно разнообразить подвижными силовыми играми, если знаешь, как и кого достать. А вот веселья в этой пробежке я не заметила в упор. Зато прекрасно видела у Крорра этот хорошо знакомый мне начальственный взгляд «я все равно найду повод до тебя докопаться, просто потому что хочу». Действия в такой ситуации? Можно доказывать, что не верблюд хоть до посинения, и добиться только еще худшего результата или смолчать. Вторым способом я пользовалась крайне редко в жизни, в силу особенностей своего характера, но, похоже, настал подходящий момент. Опустив глаза, уставилась на здоровенные ботинки Крылатого, позволяя ему продолжить изливаться на меня свое недовольство. Мне пофиг, а у мужика, может, раздражение за день накопилось – работа-то нервная и трудоемкая. Шутка ли, почти весь день в воздухе болтаться и надрываться, наблюдая за бесполезными букашками внизу, которые так нудно стараются выжить.

– Или данная радостная гримаса на твоём лице от мысли о скором новом посещении карцера, Войт? – Так и знала, что он еще не закончил. – Или ты довольна тем, как необычайно удачно и, на твой взгляд, справедливо все обернулось с Зенски?

Краем глаза я заметила, что Вероника торопливо потопала по коридору внутрь, подчиняясь небрежному жесту синего Крылатого, а вот типа Итан стоял перед красной ликторшей так же, как я, с нарочито повинной головой и выслушивал ее недовольство по поводу того, что при его физической форме она ожидала от него большего, и в следующий раз за намеренную задержку обязательно последуют репрессии. Вот у кого-то в следующий раз, а у меня все сразу, без отлагательств. И снова я поймала себя на мысли, что нечто с этим Тощим не так. Черт его знает, как объяснить самой себе даже, но что-то на уровне чистой интуиции нашептывало мне, что для него происходящее вроде забавы, игры. Стоит весь такой из себя внешне покорный, почти чрезмерно ниочемышный, голову повесил, плечи опустил, я мне все мерещится нахально ухмыляющийся высший хищник, просто дурачащий окружающих личной бестолкового красавчика и готового подчиняться приказам долговязого задрота. Неужели никто вокруг не замечает, какой он на самом деле? Или это у меня с головой проблема, если вижу то, чего нет?

– Войт! – рыкнул Бронзовый так, будто кнутом хлестнул. – Когда к тебе обращается командир, следует реагировать!

– Да, декурион Крорр! – выпрямившись, практически гаркнула я, отрываясь от анализа странной личности Тощего-притворщика.

– Что «да»?

– Я согласна, что реагировать нужно!

– Я спрашивал твоего согласия в данном вопросе?

– Нет, декурион Крорр! – снова отбарабанила я, и на секунду в зеленых глазах появилось озадаченное выражение, которое тут же сменилось холодным гневом.

– Больше сказать нечего в свое оправдание?

– Нет, я не сочла необходимость топтать целый день под палящим солнцем на голодный желудок и после бессонной ночи весельем, декурион Крорр. Нет, перспектива снова болтаться под потолком всю ночь, как кусок беспомощного мяса, и без возможности хоть песок смыть не вызывает моей радости. И нет, я не считаю справедливым и удачным произошедшее с Зенски. – Командир и остальные ликторы с любопытством посмотрели на меня, и даже псевдо-Итан оглянулся через плечо. – Еще парочка ночей в вашем чудо-карцере перед смертью ему бы не помешали.

Кто-то насмешливо фыркнул, а вот Крорр прищурился совсем нехорошо как-то.

– Все еще считаешь, что у тебя есть право судить кого-то и что хоть чем-то лучше любого из окружающего тебя сброда? – процедил он презрительно. – Владеешь тайным знанием о высшей справедливости, Войт?

– Всего лишь отвечаю на поставленные вами вопросы, декурион Крорр, высказывая свою субъективную точку зрения, – пожала я плечами.

– Надо же, какая чудная прямолинейная девочка, – с мягкой насмешливостью тихо произнесла Илэш, и у Бронзового дернулась щека. – Как жаль, что не моя.

– И не моя, – поддакнул зеленый, а синий только снова фыркнул.

– Новобранец Войт никакая не девочка, а уж тем более не чудная, а хладнокровная убийца и законченная социопатка, Илэш. А прежде чем восхищаться ее несуществующими душевными качествами, Рилейф, вспомни, какое милое прозвище она заслуженно заработала, – раздраженно зыркнул мой командир на зеленого и, развернувшись, скомандовал мне: – За мной! Больше я дожидаться никого не намерен.

Я шла за ним по темному коридору, пялясь на сложенные сейчас и едва различимые крылья, и размышляла о том, что и не такие уж помороженные эти ликторы. Видно, желание позубоскалить друг над другом им не чуждо. Ну, исключая того, что волею судьбы достался в начальники мне.

Странное дело, но после ночного пребывания в карцере мой организм словно забыл на весь день об элементарных физиологических функциях, кроме разве что обильного потоотделения, а вот сейчас внезапно решил вспомнить обо всем и сразу. Живот заурчал так громко, что звук почти заглушил стук тяжелых ликторских ботинок по каменному полу, но, заведомо зная, что ничего не светит в ближайшей перспективе, я мысленно предложила ему заткнуться. А вот с другой насущной потребностью так не выйдет. Позволив себе краткую недовольную гримасу, глубоко вдохнула и таки обратилась к тыльной части решительно шагнувшего командира:

– Декурион Крорр, мне требуется посещение туалета в ближайшее время, если, конечно, пребывание в карцере не включает в себя и попытки столь специфического характера.

Освещение здесь, как и почти везде в цитадели, было не ахти, но мне его хватило, чтобы рассмотреть едва заметный поворот головы Крылатого и совсем мизерное изменение положения жесткой напряженной линии его плеч. Такое чувство, что моя вынужденная просьба слегка расслабила злющего ликтора. Однако вслух он ничего не сказал, просто продолжил шагать, ведя меня явно в каком-то новом направлении, учитывая, что мы в основном поднимались по лестнице, вместо того чтобы спускаться.

– Декурион Крорр?

– Я тебя услышал, Войт! – одернул он меня резко. Ну да, и после этого я мисс Неразговорчивость?

Вскоре мы оказались новом коридоре, но тут, в отличие от нижних, было достаточно светло благодаря огромному, от пола до потолка, окну в конце, которое даже скорее напоминало еще один выход. Впрочем, стоит ли удивляться: здешние обитатели умеют летать, так почему им не покидать временами помещение прямо так?

Здесь, в противоположность нашим казарменным комнатам, были двери. Одну из них и толкнул Крорр и слегка удивил меня, остановившись и пропустив вперед. Попали мы в помещение, размером как наши общие спальни. Сразу от входа по правую руку имелась белая пластиковая дверь, выглядящая немного нелепым новоделом в местных грубых каменных стенах. Командир тут же распахнул ее, открывая вид на ванную, и я едва успела пробежаться взглядом по аскетичной, практически безликой обстановке, из которой выбивалась только громадных размеров кровать.

– Войт – санузел, – указал он мне на белого друга, будто знакомил нас или удостоверился, достаточно ли я цивилизована, чтобы знать, как этим пользоваться. – Пятнадцать минут.

Если честно, я думала, что он над душой у меня стоять будет. С него бы случилось. Вдруг я тут сопру что-то ценное. Но Крылатый быстро захлопнул дверь, оставляя меня наедине с унитазом, раковиной и самое примечательное – приличных размеров душевой кабиной. Пятнадцать минут, говорите, декурион Крорр? И никаких уточняющих инструкций, кстати. Так быстро я еще, наверное, ни разу в жизни не обнажалась. В конце концов, я могу отбрехаться тем, что мне было запрещено посетить общие душевые, а я как бы сейчас совсем не там.

Облегчалась, а потом и мылась я в спринтерском темпе, даже умудрилась белье прополоскать и натянуть на свое чистое мокрое тело. Пойду в чертов карцер прямо так. Там было тепло, и замерзнуть мне не светило, а высыхание на теле хлопка после такого дня в кайф. Я отжимала волосы над раковиной, когда по спине прошелся легкий сквознячок.

– Я прямо-таки уверен, что для данного процесса гораздо практичнее и действеннее использовать полотенце. И я точно знаю, что в моей личной ванной они есть, – с легкой ноткой язвительности произнес Бронзовый у меня за спиной, и, вскинув свои глаза, я встретилась с его, насыщенно-зелеными, замирая совсем не от неожиданности. Его взгляд был до дрожи интенсивным и абсолютно нечитаемым. Такое чувство, что на меня одновременно смотрели два совершенно разных существа. От одного мощными волнами исходили откровенная похоть и дикое желание поглотить, буквально пожрать, а другое взирало отстраненно, равнодушно изучая меня, как какую-то букашку или создание низшего порядка, решая, стою ли я хоть одного потраченного на это внимание мгновения.

Во влажном тяжеловатом воздухе ванной загадочный и будоражащий аромат Крорра ощущался как некое эфемерное, но при этом и очень реальное прикосновение к каким-то неведомым уголкам моего сознания. Одинаково сильно хотелось от него избавиться и, наоборот, потянуться ближе, сделать конкретнее, дабы узнать, что же это. Огромные крылья за спиной Бронзового дрогнули, слегка распахиваясь, разбивая собой царство белоснежного кафеля и сантехники, видимое в зеркале, будто намереваясь захватить своей чернотой все доступное пространство или же напасть на меня, подобно хищнику с собственной волей, спеленать, лишит способности к сопротивлению. А мне отчего-то по-прежнему иррационально буквально требовалось знать, каково это быть окутанной этими живыми полотнищами, чувствовать на своей, сейчас почти обнаженной коже их температуру, фактуру, силу касаний. Это желание произрастало из каких-то глубин разума, хотя скорее в обход его, с территории голых инстинктов, не поддающихся осмыслению и в нем не нуждающихся. Нечто, что просто есть в тебе по умолчанию. Крорр стоял полностью неподвижно, словно ему не нужно было дышать, я тоже замерла, не шелохнувшись, не разрывая зрительного контакта в отражении, и только густо-черные крылья подергивались, то раскрываясь шире, то медленно возвращаясь в прежнее положение. Вдруг цвет глаз ликтора изменился, становясь более ярко-зеленым, нечеловеческим, и это сделало с моей памятью странную штуку. В голове совершенно отчетливо, как будто наяву, зазвучал голос нашего старенького учителя Александра Кэша, с воодушевлением рассказывавшего нам о драгоценных камнях, редких минералах и прочей интересной, но абсолютно бесполезной для приютских детей фигне и демонстрировавшего нам на большом экране фото камней, стоивших безумных денег.

«Сапфир зеленого цвета встречается в природе крайне редко, называется так же хлорсапфир или восточный изумруд и ценится весьма высоко!» – вещал он как раз в тот момент, когда двери класса открылись и внутрь с недовольной физиономией ввалился высокий мальчишка в сильно поношенной одежде и с дерзким выражением лица, будто говорящим: «Ну же, дайте мне повод вам всем врезать». Так я впервые увидела Лукаса. И его глаза, единственные из тех, что лишали меня воли и много позже заставляли гореть заживо, были темно-карими. Не зелеными, как тот гребаный подсвеченный сапфир на весь экран и как эти, под гипнотическое воздействие которых сейчас попала. Я моргнула и резко выдохнула, разрывая зрительную связь и заодно изгоняя из легких и головы этот дурацкий аромат, что-то делающий с моими нервами и либидо.

Крорр тоже издал звук, очень похожий на гневный выдох, и тут же рыкнул, стремительно отвернувшись и гулко затопав своими говнодавами по кафелю к двери:

– Твои пятнадцать минут истекли, Войт.

Причем прозвучало это так, будто я опять налажала и он едва сдерживается, чтобы не наорать на меня. Сказать навскидку, определил ли он меня на этот раз в ту же самую камеру карцера или любую другую, я не могла. Шел Крорр по проходу между ними с такой скоростью, что я едва поспевала, а потом просто толкнул в узкий проем и грохнул сзади железом, запирая. Никаких кандалов сегодня, ни попыток психоанализа или что там это было. Я стояла, прислушиваясь к тому, как затихали вдали его тяжелые шаги, и ожидая, пока хоть немного привыкнут глаза, а кроме этого задаваясь вопросом, кто же из демонов моего прошлого посетит меня этой ночью. Потому что размышлять о поведении ликтора я не собиралась. Смысл заморачиваться? Какими бы ни были мотивы, они однажды вылезут наружу, став очевидными, вот тогда я и стану думать о том, что с этим делать. Вычисление степени чужой опасности, да, это про меня. Рефлексия и мысли об особенностях чужих заморочек, в данный момент не представляющих конкретной угрозы, – не-е-ет!

Глава 12

Все-таки камера была та же. Это я поняла, нащупав бутылку, оставленную Кроппром утром. Естественно, случайно. Но кроме того, рядом нашлось еще нечто маленькое, прямоугольное и шуршащее, в количестве трех штук. Уложив вдоль стены кожаное обмундирование, я уместилась сверху и, разодрав упаковку, принялась. Пахло чем-то злаковым и немного ванилью. Очевидно, это энергетические батончики. Когда-то в бытность почти счастливой жизни на улицах, нам с Лукасом удалось стянуть целую здоровенную коробку этой фигни из грузовика перед одним дорогим спортивным магазином, потому что мне показалось, что это шоколадки. Противный мальчишка тогда долго ржал над моей разочарованной физиономией и совал их мне при любой возможности, доводя до кипения, пока не бросалась на него с кулаками. Он ловко уходил от моих ударов, третируя, но и тренируя меня одновременно, уже тогда, в пятнадцать, нереально быстрый, сильный, гибкий... невозможно красивый...

Я тряхнула головой, впиваясь зубами в плотный брикетик, и старательно заработала челюстями, изгоняя прочь очередной начинающийся флешбэк, пока меня от него не скрутило. Черт, или у ликторов только все лучшее, или я была голодна сильнее, чем сама думала. Эта хрустящая ерунда была реально вкусной! Я и не заметила, как съела все три до крошки.

– Моя искренняя благодарность, декурион Кропп! – подняла я бутылку с водой. – Дай бог здоровья вашей драконьей заносчивой заднице и прочим частям тела!

Любопытно, он когда батончики принес? Сто процентов утром, тогда у него вроде еще ничего настроение было, а вот вечером выглядел так, будто эти вкусняшки скорее бы мне засунул туда, откуда им выходить положено. В любом случае мой желудок уже не ощущался прилипшим к позвоночнику, а значит, день заканчивался не так и плохо. Я растянулась на спине, кайфуя от постепенного расслабления мышц, и закрыла глаза. И распахнула их, по ощущениям, уже всего несколько мгновений спустя, пытаясь схватиться в темноте за несуществующую опору и остановить жуткое падение. Но ничего не вышло. Мое тело несло вниз по крутой каменной лестнице в приютский погреб, ломая, кажется, одну кость за другой. Кто-то толкнул меня. Растянувшись внизу, я перевернулась, хрипя от жуткой боли, и попыталась закричать, призывая помощь, и хоть как-то подняться. Но тут меня дернули за волосы, вынуждая опять упасть на спину, а вокруг шеи захлестнулась петля. В полутьме промелькнула щуплая фигурка, зловеще сверкнули глаза, раздалось какое-то жужжание, и петля стала затягиваться, одновременно поднимая меня с пола.

– Помнишь Марию Монелло, злобная сука? – узнала я свой дрожащий от сдерживаемой ненависти голос. Не такой, как сейчас, но все же мой. – А Марка Ригана? Эти ребята были влюблены друг в друга, а ты унизила их перед всеми, растоптала их чувства, выставила грязными, порочными и заставила убить себя, потому что они с этим больше не могли жить. Ты показала всем вокруг, что любовь – это плохо!

Петля сжималась все сильнее, пола касались уже лишь кончики пальцев, тело полыхало болью, горло не слушалось, не позволяя закричать о помощи.

– А Люси Мортимер помнишь? Клива Сеймура? Чена Квана? Над каждым ты издевалась, раз за разом, снова и снова, а теперь их нет! А ты живешь! И трахаешься со сторожем Менни, пока муж дожидается тебя дома. ТЫ! Та самая, кто опозорила и довела до самоубийства двух влюбленных ребят, не заходивших дальше поцелуев!

Сознание стало уплывать, и последнее, что я услышала на грани между сном и явью – свое шипение: «Ты знаешь теперь, за что умираешь».

Скривившись от фантомной боли, я перевернулась на бок. Нет, и тут я раскаиваться не собираюсь. Таких мерзавок, какой была наставница Карина, вообще нельзя к детям и близко подпускать. А если кто-то был настолько слеп и безразличен, не замечая всех тех суицидов,

которые случались в ее классе в разы чаще, чем в остальных, то пусть он и взваливает на себя ответственность за то, что мне пришлось избавиться от этой гадины мир. И да, в этом смысле у меня нет никаких половых предрассудков и заблуждений. Среди женщин мразей ничуть не меньше, чем среди мужчин, они просто чаще всего более скрытные и изощренные.

Второй раз я, почти ожидаемо, проснулась, крича и держась за лицо над правым глазом. Отдышалась, прислушалась: шагов топающего за мной злующего ликтора не слышно. Ну, в таком случае спим дальше. Но не тут-то было. Показалось, я и пяти минут не проспала, прежде чем подскочить от ощущения, что захлебываюсь кровью, пытаюсь орать от боли в отрубленном среднем пальце и паху под аккомпанемент собственного презрительно-насмешливого бормотания.

– Эй! – возмутилась я в темноту. – Не хотите что-нибудь и на завтра оставить? А то программка сегодня что-то насыщенная! Кем потом тыкать будете?

Естественно, ответа я не получила, и остаток ночи провела спокойно. То бишь без всяких сновидений вовсе, или, по крайней мере, среди них не было ни одного, которое я смогла бы вспомнить, когда дверь залязгала, возвещая о подъеме.

Сегодня Крорр, очевидно, не склонен был даже изображать подобие вежливости и в камеру за мной не входил.

– На выход, Войт, – скомандовал он. – Мусор за собой прихвати!

Я послушно забрала упаковки от батончиков и почти пустую бутылку. Вот интересно, я должна его поблагодарить за то, что не дал помереть с голоду, или раз это, типа, в обход им же установленного наказания, то лучше помалкивать и не нарываться? И, кстати, что-то там было еще про физическое взыскание на усмотрение командира. Физическое. На усмотрение. Невольно вздрогнула, вспомнив тот, ну, скажем, неловкий момент зависания в ликторской личной ванной с владельцем за спиной, глядящим на меня так, словно он хотел меня употребить во всех существующих смыслах. Или наказать? Взыскание ведь не может носить сексуальный характер? Нет? Да? У меня проблемы с головой, если меня вообще подобные варианты развития событий посещают? Само собой, у меня в принципе с головой не порядок, нормальные люди не совершают того, что я делала в своей жизни, но эта мысль с вероятностью быть наказанной подобным образом диковата даже для меня.

– Спасибо, декурион Крорр! – все же решила я поблагодарить, не уточняя, правда, за что именно.

Никакой реакции от Крылатого не последовало. Вчерашнее построение и загрузка в транспорт повторились, только в этот раз летели мы чуть дольше. Неужели нагрузки будут повышать в таком ускоренном темпе? Уставшим никто вокруг после вчерашнего забега не выглядел, и даже Вероника, которая, заметив меня, с чего-то стала улыбаться и махать рукой, будто мы подружки не разлей вода, сияла здоровым румянцем, превратившим ее из давешней бледной поганки в очень привлекательную девушку. Я отвернулась от нее, проигнорировав дурацкое проявление дружелюбия, и совсем не искала взглядом Итана-Тощего, но, однако же, краем глаза заметила, что он пялится на меня со своего места и чему-то слегка ухмыляется.

Высадка, напутственная речь, на этот раз от Красной, и мы побежали. Я, поразмыслив, решила поддерживать более высокий темп, чем вчера, сохраняя небольшую дистанцию с лидирующей группой. Компания в пути мне ни к чему, но двигаться вблизи основной толпы все же безопаснее, чем тащиться в одиночку, как выяснилось накануне. Конечно, сомневаюсь, что ежедневно будут находиться желающие замочить меня, но, учитывая мою способность приобретать «доброжелательно» настроенных, чем черт не шутит.

– Быстро восстанавливаешься, злючка, – псевдо-Итан пристроился рядом, хотя уверена, с такими длиннющими ногами он мог давно умотать далеко вперед.

– И что на это раз тебе нужно? – зыркнула я на него.

– Ну здрасте, мы же теперь друзья! А друзья держатся вместе, потому что так веселее. Правда, я не верю в дружбу между женщинами и мужчинами, ну разве только в ту, что с особыми привилегиями. – Новый акт клоунского шоу стартовал?

– Ты девственник? – язвительно спросила, стараясь не сбиться с дыхания.

– А я похож на девственника?

Нет, вот нисколечки. Мне вообще плевать, на кого он похож.

– Да. Другого объяснения тому, что ты постоянно отпускаешь пошлые намеки и крутишься рядом, искушая врезать тебе между ног, кроме как наличие критической массы спермы в твоём организме, я не нахожу.

– Ага, вот ты и призналась! – довольно фыркнул кандидат на позу эмбриона. – Я тебя искушаю. Спасибо, детка, за откровенность. Ты меня тоже заводишь. Даже когда в одежде.

– Ясно, – я едва сдержалась, чтобы не закатить глаза. – Ты из этих, которые тащатся от боли и унижений. Нравится, когда тебя бьют и пинают злобные тетки в черной коже, извращуца?

– Как же приятно, что ты тратишь столько мозговых усилий, пытаешься постигнуть мою внутреннюю суть, Сочные сиськи. – Бежит, ржет как конь и даже ни капли не задыхается, поганец. – Хотя я с удовольствием поменялся бы ролями и занялся постижением и достижением твоих внутренних глубин. Потратили бы время с большей пользой, честное слово.

– Странно, а я вот не усматриваю ни единого полезного лично для меня варианта тратить время с тобой. Но ты на свой счет не принимай, я вообще ни с кем не вижу смысла тратить его совместно. – На кой черт я с ним говорю? Таких недотроллей лучше вовсе игнорировать. – Метнись вон лучше мухой к Вероничке и устрой ей еще один сеанс игры в последнего в мире героя.

Мизерный дефект слуха – небольшая цена за право называться гребаным рыцарем, ага.

– Де-е-етка, ну нельзя же быть такой ревнивой! – неожиданно заорал этот паяц так громко, что бегущие последними впереди нас стали любопытно оборачиваться. – С другими у меня просто ничего не значащий секс, бессмысленный и беспощадный, а с тобой – высокие чувства! Я понимаю, на первый взгляд сложно увидеть разницу, но она есть и огромная! Сиюминутное и вечное, поверхностное и глубокое, свободное и тугое, влажное, горячее...

– Боже, если бы мне не грозило в этот раз уже точно схлопотать от ликторов вышку, я бы тебя сейчас с таким удовольствием придушила! – зашипела, ускоряясь, но гад не отставал.

– Вот видишь, твои чувства ко мне недостаточно глубоки, чтобы рискнуть всем, а вот мои напротив! – Я сжала зубы, мечтая о затычках для ушей, и вдруг он молниеносным движением схватил меня за руку, присел и, словно мешок с мукой, взвалил на плечи, в конце обхватывая еще и бедро для удобства. И все это быстрее, чем я даже успела понять, что он делает, не то что отреагировать, а на свою скорость я не жалуюсь.

Но мое роготейство длилось недолго. Свободной рукой я вцепилась в его волосы, с силой дергая голову назад, и без всякой пощады саданула коленом в район уха или скулы – куда уж пришлось. Тощий издал какой-то резкий звук, даже сейчас бесяще напоминающий краткий смешок на выдохе, и попытался поймать мою вторую ногу, даже не думая остановиться. При этом он ослабил хватку, и я не упустила возможности извернуться, стараясь соскользнуть с него, да еще и пнуть в поясницу вдогонку, прямо в полете. Но этот мерзавец был невероятно быстрым. Он уклонился и успел поймать меня за ботинок, не давая быстро откатиться после приземления на спину. Вторая нога также не достигла цели, а прежде чем я успела сгруппироваться, он бросился вперед, не просто накрывая меня собой, а практически вдавив в песок. Запястья зафиксированы его пальцами, будто наручниками, узкие бедра оказались втиснуты между моих ног, варианта ударить, кроме как лупить по голням ботинками сзади, нет. – Давай, отжарь эту дерзкую суку! – раздался чей-то голос как раз тогда, когда я почти смогла врезать лбом в переносицу псевдо-Итана.

– Обойдусь без советов всяких трусливых неудачников! – огрызнулся он, снова чудом уклонившись от моего выпада, и подначил меня: – Ну же, это все что ты можешь, детка? Давай, сделай плохому парню больно, или он прямо сейчас сделает тебе хорошо!

Нет, ну мудачин такого сорта мне еще, пожалуй, не попадалось.

– А может, я хочу сразу хорошо? – прошептала я, толкнувшись бедрами к нему и демонстративно похотливо облизнувшись.

– Ага, так я и купился, Войт! – ухмыльнулся он, но уставился на мои губы не отрываясь.

– Ну и слабак! – насмешливо фыркнула, отворачивая голову. – Слезь с меня и не трать на детские игры время взрослых тетенок, мальчик.

– Я ведь об этом миллион процентов пожалею, – пробормотал Тощий и все же наклонился, потянувшись к моему рту. И, естественно, пожалел, провидец хренов, как только я вцепилась в его нижнюю губу как пиранья. Однако, вместо того, чтобы отстраниться, визжа от боли, он только прижался сильнее, щедро делясь со мной медным вкусом собственной крови.

– Встать, новобранцы! – похожий на грохот ледяного обвала голос Крорра прогремел над нами, предвещая скорые неприятности. – Потрудитесь объяснить, какого черта тут случилось!

Глава 13

Я прищурилась, посылая наглецу «вот сейчас ты станешь покойником» взгляд и постаралась столкнуть его хоть и тощую, но необыкновенно тяжелую тушу с себя.

– Да, скажи ему, что тут происходит, – успел прошептать он, прежде чем скатиться и вскочить на ноги.

Я последовала его примеру, вставая перед Крорром и Красной. Первый гневно щурился, вторая смотрела, скорее, с любопытством и легким недовольством.

– Рекрут Мак-Грегор, пояснения, – сказала она голосом, который сейчас был таким же мягким, как шелковая удавка, сжимающая горло. Ага, ну вот я и узнала твою фамилию, представучий мерзавец. Не то чтобы она меня и вправду интересовала, особенно учитывая, что грозит за нападение. Наше близкое знакомство будет недолгим, надеюсь. Покосилась на псевдо-Итана и позволила себе зловещую ухмылку. Ни тени страха не заметила у него, пока мы были лицом к лицу, но едва предстал перед командирами, тут же натянул маску покорной, едва ли не робкой овцы. А вот в ответ на мой почти торжествующий взгляд уголок его рта чуть приподнялся, а в карих глазах мелькнуло то самое, ехидно-подначивающее выражение, перед тем как он преданно уставился на свою ликторшу.

– Войт! – гаркнул на меня Крылатый.

– Она первая напала на него! – не давая мне и рта открыть, крикнул кто-то отважный из-за спин столпившихся неподалеку новобранцев, прервавших кросс ради нашей потасовки.

– Точно, эта злобная девка неисправима! В расход ее! – сразу несколько голосов. Ну да, я в курсе своей необычайной популярности.

– Хорош брехать, козлы! – перекрыла мужские голоса Хильда, и ее тут же поддержали другие девчонки: – Не трогала его Войт! Он сам все начал!

В ответ посыпались оскорбления от самцовой половины, дамы тоже за словом в карман не полезли, и поднялся жуткий шум.

– Новобранцы, прекратить бардак и выкрики без разрешения! – выверился на них Крорр. – Немедленно продолжить выполнение поставленной задачи! Живо!

Ворча и препираясь, толпа развернулась в нужном направлении и постепенно стала набирать прежнюю скорость.

– Мак-Грегор? – крылатая женщина уже чуть нахмурилась, намекая, что ожидание ее раздражает. – Объяснения.

– Прошу прощения, декурион Илэш, но я, как и полагается джентльмену, уступаю даме право высказаться первой, – покорно склонил повинную растрепанную голову, с наливающимся на скуле синяком Тоший, умудрившись, однако, стрельнуть в меня подначивающим взглядом.

– Надо же, смотрю, дисциплина у тебя на уровне, – очень тихо съязвил Крорр и обратился ко мне в своей обычной начальственной манере: – Войт, внятную формулировку произошедшего. Быстро!

Я открыла рот, собираясь вломить доставучего придурка по самое не могу, но не пойми почему ляпнула:

– Мы просто дурачились, декурион Крорр. – И откровение: большей идиоткой, чем в этот момент, в жизни себя, пожалуй, не чувствовала.

– Дурачились, – ликтор не переспрашивал, а произнес это слово так, будто оно было для него иностранной тарабарщиной или чем-то непристойным.

– Ну да, веселились, шутили, прикалывались, – с неуместным энтузиазмом поддакнул псевдо-Итан. В нем вообще все было неуместно, он сам весь такой! И это, судя по всему, заразно.

Крорр демонстративно проигнорировал чужого подчиненного, продолжая смотреть на меня настолько тяжело и пристально, что я удивляюсь, как еще не провалилась по пояс в песок.

– Для девицы с твоей репутацией недотроги, агрессивно отстаивающей собственную неприкосновенность, странно находить забавным лежание на спине с едва знакомым парнем между охотно раздвинутых ног, ерзающим по ней, причем прямо на глазах у всех остальных рекрутов. Удивительная метаморфоза в так громко заявляемых моральных устоях. Попахивает лицемерием.

Ну спасибо, тощая козлина, за то, что я теперь чувствую себя вывалянной в грязи, а совсем не в песке. Будь уверен, отплачу за это обязательно. Кровь на губах стала подсыхать, противно стягивая кожу, и я их потеряла, избавляясь от неприятного ощущения, за чем Крорр проследил с отчетливой брезгливой гримасой.

– Все было совершенно невинно, – снова влез Мак-Грегор, будто совсем не обращая внимания на то, что Крылатый целенаправленно игнорировал его. – Легкое физическое отвлечение, чтобы снять общее напряжение, командир.

– Я не твой командир! – рыкнул на него Крылатый. – Иначе ты бы уже корчился у моих ног, проникаясь мыслью о необходимости в будущем сохранять серьезное отношение к моим приказам.

Илэш промолчала, делая вид, что не замечает этого камня в ее огороде, и мне даже почудилось, что она едва сдержала желание насмешливо закатыть глаза. Крорр же продолжил играть роль большого злого командующего.

– Итак, прямо во время выполнения четко поставленной задачи, которая гласила, что все новобранцы должны двигаться в быстром непрерывном темпе в сторону цитадели, двое из них нашли для себя уместным развлекаться, – подвел он итог, глядя теперь только на Красную, словно мы с проклятушим Тошшим обратились в неодушевленные предметы. – Очевидно, некоторые по-прежнему не осознают, где и зачем они оказались, либо считают, что имеют право растрачивать энергию не так, как приказано, а по собственному усмотрению на всякие непотребства.

– Считаешь нагрузку недостаточно разнообразной, рекрут Мак-Грегор? – язвительно осведомилась ликторша. – Думаю, мы с декурионом Крорром сможем исправить сие ошибочное мнение.

Ну и что же ты теперь стоишь, гребаный провокатор, зенки нахальные вниз, ни одного едкого комментария, ни слова возражения?

– Предлагаю «повеселить» их длительным спаррингом друг с другом после окончания забега в качестве физического взыскания, – сказал Крорр Илэш.

– Принято, – кивнула она и усмехнулась, как будто предвкушала потеху: – Будете сражаться до тех пор, пока один из вас больше не сможет встать. Альтернатива – позорный столб и плеть.

– Войт, бежишь вперед с этого момента без остановок, замедлений, когда вздумается, болтовни и прочих отвлечений. Дистанция с любым другим рекрутом – не менее ста метров! За нарушение – ужесточение наказания. Пошла! – Последнее слово было похоже на пинок под зад, и я не стала испытывать судьбу, сорвавшись с места.

Что там сказала Красная своему гаду подчиненному, втянувшему наши задницы в неприятности, слушать не стала. Бежать я собиралась действительно быстро, ведь так скорее получу возможность на законных основаниях избить этого озабоченного идиота. Хотя, учитывая его реакцию и скорость, будет это нелегко, но теперь, когда я знаю о его преимуществах, просто сильнее постараюсь.

Спустя почти три часа я привалилась спиной к прохладной стене цитадели, восстанавливая дыхание и дожидаясь, пока перед глазами перестанут мельтешить черные пятна. Остаток положенной на забег воды я вылила на голову где-то минут сорок назад, чтобы просто не выру-

биться от перегрева. Все это время Тоший бежал в положенных ста метрах от меня и горла-нил какие-то похабные песни, в которых непременно упоминалось мое имя, сиськи и, кажется, еще некоторые части тела. Сначала я прислушивалась, злилась еще больше, но потом ушла в себя, начав анализировать поведение этого совсем не клоуна, а главное, своеобразную реакцию на него окружающих. Вероника при его появлении прямо-таки «поплыла», хотя девочка она привлекательная и даже очень, а значит, мужским вниманием не обделена. Не такой уж этот Мак-Грегор и красавчик, чтобы при виде него у женщин мозги отключались и начинался трусопад. Ладно, красавчик, но совершенно не в моем вкусе, чересчур уж хорошенький. Но хрен с ней, с Вероникой, а вот почему внимательные и проницательные ликторы в упор не видят, что рядом с ними находится некто настолько опасный? Я же это прямо всей шкурой, на уровне инстинкта ощущаю. Никакие его шутовские выходки и придурашки меня не обманут. Из глубины карих, насмешливо прищуренных глаз на мир смотрит очень-очень грозный хищник, прекрасно умеющий отслеживать окружающую обстановку и обладающий, судя по всему, способностью набрасывать какие угодно личины: от соблазнителя – для дурочек, до покорного барашка – перед ликторами. Или ничем не примечательного члена стада туповатых уголовников, у которых после тюряги одна мысль – перепихнуться. Но почему тогда со мной эта ерунда не работает? Не возомнила ли я о себе до хрена? На самих ликторах, значит, работает, а на Летти-кто-ты-вообще-есть-по жизни нет? Может, на меня он и не пытался воздействовать? Ага, а еще есть вариант, что я чуточку умом повредила и ковыряю на пустом месте, ожидая раскопать месторождение тайн там, где его нет.

Но если все именно так, как мне глючится, то тогда есть основание предположить, что я угроза для этого хитрозадого ловкача, если с легкостью вижу сквозь его камуфляж. И тогда его донимучие цеплялки понятны. Если бы я взорвалась и так начала бы мочить его всерьез, то вполне могла бы лишиться жизни. И кстати, он все еще не проиграл, потому что у Мак-Грегора еще есть возможность «случайно» убить меня в спарринге, и ничего ему за это не будет.

– Войт, за мной! – нарисовался в дверном проеме командир.

После небольшой передышки мои ноги буквально пришлось чуть ли не руками переставлять, а подъем по лестнице показался бесконечным. Как, черт возьми, я собираюсь драться? Да еще и с таким, как Мак-Грегор? Гордость, конечно, хорошо, но жизнь лучше.

– Декурион Крорр, разрешите обратиться? – И опять в ответ только едва заметный поворот головы шагающего впереди ликтора. – Нельзя ли перенести спарринг на другой день или хоть дать несколько часов отдыха?

Зараза, как же я ненавижу просить. Не важно кого, не важно о чем, прямо аж как муравьев кусачих от этого будто кто под кожу насыпает и хочется выпрыгнуть из нее. Странно, что с Крорром это ощущалось не настолько остро, чем обычно. Я злилась на саму необходимость обращаться к нему за чем-то, но сам процесс выпрашивания поблажки предельно унижительным не чувствовался, только лишь неизбежным. Ликтор резко становился, и мне пришлось устроить экстренное торможение, чтобы не вписаться лицом прямо в его сложенные за спиной крылья. Мощная волна экзотичного личного аромата Бронзового влилась в мои легкие и шарахнула слабостью по моим и без того нетвердым после кросса ногам. Развернувшись, он оказался слишком близко, нависая надо мной, как небоскреб, и вынуждая запрокидывать голову. Стоило Крорру чуть наклониться, и мы столкнулись бы нос к носу. Или губы к губам. У меня и так-то во рту было сухо, а теперь вообще язык прилип к месту, по коже повсюду помчались крошечные кусачие разряды, а кончики пальцев предательски закололо от этой идиотской, но непобедимой потребности провести ими по черной притягательной поверхности.

– Назови мне истинную причину, по которой желаешь уклониться от боя с этим... новобранцем, Войт, и я, возможно, захочу пойти тебе навстречу, – сказал он тихо, но все равно с устрашающими, порывающимися нотками, что показались необычайно отчетливыми в пустом гулком коридоре.

– Я не готова драться! – Да пофиг, если прозвучало трусливо, зато правда.

– Ты?! Врешь! – Ну вот теперь чистой воды полноценное угрожающее рычание и ничего больше. – Терпеть не могу ложь! Да ты только и делала всю жизнь, что искала повод устроить драку, затеять любой конфликт, а сейчас мне говоришь, что не готова драться? В чем дело? Не тот противник? Рука не поднимется?

Красивый, жестко очерченный рот, маячащий перед самыми моими глазами, искривился презрительно, а пронзительная зелень радужек потемнела сразу на десяток тонов, и ноздри породистого ликторского носа ходили ходуном.

– Вообще-то я имела в виду, что физически вымотана, декурион Кропп, – ответила, давая себе четкую установку перестать пялиться на злющего командира, потому как такой пристальный прямой взгляд вполне может быть воспринят за вызов. Установку дала, но ни черта ее не выполнила. – Голодна как собака, устала до невозможности, ноги не держат, умираю от жажды... Еще нужны определения для того моего состояния? Вы ведь хотели, чтобы я вымоталась до предела, так вот: это – предел.

Конечно, я слегка сгустила краски, и если бы приперло, то дралась бы как миленькая, но только дурак не использует шанс получить отсрочку и стоически полезет на амбразуру сразу, не попробовав хоть немного отдохнуть и тем самым повысить свои шансы. Так что мое трагичное почти нытье не попытка вызвать жалость, а маленькая военная хитрость. Когда ты женщина в мире сильных мужиков, быстро такому учишься.

Бронзовый моргнул, словно в первый момент не понял, о чем это я тут толкую. Потом нахмурился, немного отступил, осмотрел меня с ног до головы, будто беглый взгляд мог дать ему информацию о степени моей усталости или честности в этом вопросе.

– Ты все еще слишком человек, – пробормотал он, непонятно то ли с озабоченностью, то ли с раздражением. – Идем, я не могу отменить все единолично.

Глава 14

Поднимались мы еще очень долго и в итоге очутились на огромной плоской площадке, бывшей еще и крышей цитадели. Хотелось бы сказать, что вид отсюда открывался замечательный, да только во все стороны простиралась все та же ониксовая пустыня, а я на нее уже до тошноты за эти два дня насмотрелась. Оставалось лишь небо, но что толку в него пялиться. Если у тебя нет крыльев, созерцание свободного пространства радости не принесет. И да, похоже, вся эта беготня и правда всерьез меня вымотала, раз все вокруг кажется мрачным и раздражающим.

– Что-то вы долго шли, – заметила Илэш, сидевшая на парапете, свесив ноги наружу.

Мак-Грегор комфортно расположился: примостил зад прямо на пол, привалившись к каменной кладке и вытянув перед собой свои длинные ноги. Интересно, как они сюда попали раньше нас? Красная что, просто притащила его наверх воспользовавшись крыльями? Он же хоть и жилистый, как борзая в хорошей форме, но тяжелый, зараза, словно целый лось. Как его тушка сверху ощущалась, я прекрасно помню. Будто он был кожаным мешком с дробью. Любопытно, достаточно ли у ликторов подъемной силы, чтобы таскать груз больше своего веса?

– Илэш, я предлагаю отменить взыскание в виде спарринга на данный момент, – сухо сразу же с порога оттарабанил ликтор.

Красная стремительно обернулась, озадаченно нахмурившись.

– Плеть? – недовольно спросила она.

– Нет, не изменение формы взыскания. Отсрочка или временная амнистия. Но в случае рецидива – удвоение всех наказаний. – Если бы Крорр и захотел сделать еще более непроницаемое лицо, то у него бы, наверное, в принципе не вышло. Хотя как знать. Нет пределов совершенству.

Илэш подняла одну свою идеальную черную бровь, выглядя теперь больше заинтересованной, нежели недовольной.

– Причина? – прищурилась она, словно желала что-то высмотреть сквозь покер-фейс моего командира.

– На два слова, – мотнул он головой и стал отходить к дальнему концу площадки.

Глянув на меня уже с откровенным любопытством и даже, как почудилось, с озорством, она спрыгнула с парапета и пошла за ним.

– Ну и каким образом ты умудрилась заработать поблажку у своего командира, вылитого из стали? А нет, пардон, из бронзы! – ехидный тихий голос Мак-Грегора раздался прямо за моей спиной, хотя секунду назад он восседал, развалившись, на полу.

– Уверена, у тебя есть собственные предположения, как девушки вроде меня добиваются поблажек, – огрызнулась я, не оборачиваясь. – Вот ими и воспользуйся.

– «Девушки вроде тебя»? – хмыкнул он, заставив подпрыгнуть выбившуюся из косы прядь моих волос, и захотелось поежиться от ощущения его дыхания на коже. – Таких, как ты, больше нет. Все мы в единственном экземпляре на свет являемся, но далеко не каждый это может понять. Я вот понимаю, какая ты особенная.

Ага, я тоже вижу, какой ты необычный тип, но лучше уж об этом промолчу. Не хочу ни льстить, ни акцентировать внимание на чем не следует.

– Отвали, философ.

– Да ладно, Войт, расслабься! – прошептал он уже совсем другим, примирительным тоном, но я черта с два на это повелась бы. – Поцеплялись чуть и будет. Давай дружить. Обещаю быть хорошим.

Ну да, я же так верю в хороших хищников! Говорят, крокодилы даже слезы льют, когда жертву рвут на части.

– Поцеплялись? – хмыкнула я. – По-твоему, я прямо кайфую, коллекционируя взыскания, и ты мне в этом по-дружески помог?

Крорр покосился в нашу сторону, но я очень постаралась взять с него пример в навешивании на себя непроницаемой маски.

– Ой, ну я же не мог знать, что вы с этим Крылатым неровно друг к другу дышать стали так внезапно. Хотел развлечь тебя в пути, подбодрить, а суровый ликтор мое чувство юмора не оценил.

Неровно дышать? Учитывая, что я отчего-то, судя по всему, бешу командира, делаю что-либо или не делаю, то да, верно.

– Я его тоже не оценила, – прошипела еще тише, чтобы не привлечь внимание заканчивающих свой важный диалог ликторов. – Спарринг после многочасового кросса не то, как я хотела бы провести сегодняшний день.

– Да брось, я бы все разрулил.

– В самом деле? – Господи, все, что мне действительно нужно, это перестать с ним говорить. Совсем. Тогда почему я все еще веду это убогое подобие спора с этим лицедеем?

– Ага, упал и сломал бы руку или заработал резко сотрясение от первого же твоего удара. И наказанию конец.

Я с трудом не обернулась и не спросила наконец в лицо, сколько он еще намерен пребывать в своем псевдо-клоунском амплуа. Что опять же подтверждало, что идеальная линия поведения с ним – полный игнор, если мне не нужны новые неприятности.

– Не конец, а отсрочка – и это раз, ликторы не идиоты, чтобы вообще поверить в твое лицедейство – это два, мне не нужны никакие друзья, а уж тем более такие ходячие источники гемора – это три.

– Обожаю девушек, уверенных в собственной правоте, Войт. – То, что он больше не звал меня деткой, Сочными сиськами или еще всякими глупыми прозвищами, наверняка должно было убедить меня в изменении в отношении, наступившем как-то вдруг. – Но отсрочка – это время, за которое способно случиться что угодно в нашей беспокойной жизни, так что можно считать – конец. Ради тебя я бы на полном серьезе сломал себе что-нибудь – заживет как на собаке. И тебе совершенно точно нужен друг, что знает, как отсюда выбраться, если, конечно, перспектива до конца жизни стать дрессированной пуделихой ликторов не прельщает тебя сильнее свободы.

Последнее он произнес настолько тихо, что я едва расслышала. Изумленно моргнув, хотела повернуться, но потом опомнилась, давая себе мысленный отрезвляющий пинок. Ну вот, пожалуй, я тебя и раскусила, парниша без имени. Хренов местный провокатор, сто пудов его задача – цепляться к кому скажут, заставляя эмоционально открыться так или иначе. Не выходит достать насмешками и домогательствами, переходит к посулам самого желанного для каждого здесь – свободы. Еще один вид теста?

– Ха-ха, пойди поищи кого-то, кто поведется на это, – огрызнулась я, – но я пока намерена посмотреть, не выйдет ли и здесь пристроиться с комфортом.

– Войт, за мной! – скомандовал Крорр, подходя вплотную к парапету.

– Крылышки заморозили? – с раздражением и насмешкой пробормотал мне вслед Мак-Грегор. – Не будь такой же душой, как и все, не разочаровывай меня. Чуть перетерпи, и это пройдет.

Я не стала слушать и пошла к командиру, который, прищурившись, следил за моим приближением.

– Прыгай! – кивнул мне Бронзовый вниз.

Я глянула с краю. До земли метров тридцать, не меньше. Он издеваться надо мной?

– Я не тороплюсь умереть, декурион Крорр, – нервно сглотнув, тихо ответила я. Страх высоты и утопления – вот две вещи, делавшие меня реально уязвимой, но побороть их так и не вышло. Уж лучше мордобой – шанс победить в поединке есть хоть мизерный, а вот с гравитацией и камнями не поспеешь.

– Я могу убить тебя на месте, едва задев, Войт, – снизошел до диалога ликтор, хотя я вполне ожидала, что он просто швырнет меня через парапет за эту заминку.

– Само собой, можете, но в чем тогда веселье? – пробормотала себе под нос, еще раз бросив взгляд вниз. Желудок сжался, как кулак, и несколько раз сделал сальто. Хорошо же, что он у меня пустой.

– Войт, я пошел тебе навстречу. Жду в ответ беспрекословного выполнения приказов. – Звучало так, будто моему командиру действительно стоило немалых усилий говорить со мной терпеливо, а не перейти к рукоприкладству и окрикам. – Сотрудничество с подчиненными не моя обычная линия поведения, не заставляй меня пожалеть о том, что решил ее попробовать.

Я развернулась спиной к пустоте перед собой. Когда не видишь, становится легче. Илэш стояла метрах в десяти от нас, наблюдая за тихими препирательствами все с тем же неприкрытым любопытством. Мак-Грегор замер у нее за спиной, и едва мы установили зрительный контакт, покачал головой, прошептав одними губами «не делай этого», а потом перевел взгляд на затылок моего начальника, будто мечтал увидеть там сквозную дыру.

– Было бы гораздо проще, если бы вы, декурион Крорр, зашли в этой вашей попытке сотрудничества чуть дальше и объяснили смысл приказа, – перешла уже на шепот я. – Говоря проще, на черта мне сигать отсюда?

– Потому что я тебе велел, а ты должна доверять мне как командиру настолько, чтобы выполнить не размышляя.

Я и доверие к кому бы то ни было? Смешно!

– Значит ли это, что мой командир готов гарантировать удачный исход в случае моего подчинения?

– Войт, не пытайся торговаться со мной. Я ведь этого не делал, когда ты попросила снять взыскание в виде спарринга.

Да неужели? А как же «скажи мне истинную причину, и я подумаю»? Но, вероятнее всего, сейчас неудачное время напоминать.

– Я уже начинаю склоняться к тому, что спарринг был бы не так уж и плох, – сдавленно пробухтела я, оглянувшись через плечо. Ох, не стоило этого делать.

– Ну же, Войт! – рыкнул на меня Бронзовый.

В конце концов, нет им смысла убивать меня вот так. Долбаному Крылатому нужна была демонстрация моей покорности в качестве компенсации за то, что он пошел мне навстречу? Хрен с ним, он ее получит. Но покорность – не доверие, о котором он толкует. Ты – мне, я – тебе, это сделка.

Развернувшись в последний момент и вдохнув до боли в груди, я оттолкнулась от парапета. Каменная плитка двора понеслась навстречу со страшной скоростью. Если бы у меня не свело судорогой страха горло, я бы визжала истошно. Резкая остановка в полете оказалась тоже не из разряда приятных вещей. Кто-то просто схватил меня за ворот форменной кожаной куртки и не дал вмазаться в землю. Естественно, это был Крорр. Почти придушив меня этим неделикатным торможением, он, вместо того чтобы опустить на ноги, подбросил выше, будто я была воздушным шариком, и, перехватив теперь мощной конечностью поперек талии, прижал к себе и рванул вверх.

И вот тут я, уже не сдержавшись, завопила. Правда, почти сразу же и захлопнула рот, застигнутая врасплох мощнейшими волнами головокружительного аромата Крорра и ощущением пронзительной, чрезмерной близости его тела. Накатывало раз за разом, от каждого взмаха огромных крыльев и равномерных движений его груди, прижимавшейся к моей спине.

И если прежде мне как-то еще удавалось контролировать странное воздействие моего командира и исходящих от него флюидов, то сейчас, шокированная и дезориентированная, нелепо болтающаяся в воздухе, удерживаемая от падения только его рукой, я хапала эти бьющие в глубинные, почти животные части меня волны, захлебываясь, почти утопая. Ликтор сделал лишь небольшой круг над двором, но когда поставил наконец, я едва ли могла стоять на трясущихся ногах и пялилась невидяще перед собой. А еще я была возбуждена. Настолько сильно, что кожа буквально полыхала, а внутри не то что тянуло и сжималось – жгло и скручивало до самой настоящей боли. Не желание – необузданная похоть, прежде мною не испытанная и заставляющая чувствовать себя беспомощной, какой-то жалкой. Но как только Кропп отступил от меня на шаг, что-то говоря в своем обычном приказном тоне, наваждение стремительно пошло на убыль, как если бы в огромном резервуаре, им наполненном, внезапно вытащили пробку, и уровень, поглощавший только что меня с головой, резко схлынул, оставляя бестолково моргать и чувствовать себя настоящей идиоткой и посмешищем.

– Войт, я сказал, если ты не поторопишься, то останешься без обеда. Ограничения по еде я снял, но время выдачи пищи заканчивается через три минуты. – Очевидно, ликтор вынужден был это повторить, может, и не один раз, пока я стояла тут оглохшим истуканом. Странно, что голос его звучал глухо, но без обычного раздраженного рычания, хотя Бронзовый и хмурился, выглядя так, словно всматривался куда-то вглубь себя и недоумевал одновременно.

– Можно же было просто сказать, что мы торопимся в столовую... – вырвалось само собой.

– Декурион Кропп! – неожиданно вышел он из себя и напомнил мне о субординации, рявкнув так, что уши заложило. – Я твой командир. Я говорю – ты делаешь. На этом все. Марш обедать, Войт!

Глава 15

– Знаешь, дорогой, от тебя не убудет авторитета, если ты как-то продемонстрируешь девушке, которая привлекает тебя, что можешь быть помягче. – Илэш почти бесшумно опустилась на землю за спиной Крорра.

Ее голос сработал отрезвляюще, и Бронзовый осознал, что стоит, сжав кулаки, стиснув челюсти и нахмурившись до онемения между бровями, а крылья снова подергиваются, будто настойчиво подталкивая его к движению. Или, точнее, к преследованию. Что за неслыханная дикость?

– Ты о чем? – Ликтор сделал над собой усилие, отводя взгляд от удаляющейся спины своей раздражающей подопечной.

– О ком. Эта девчонка, Войт. Рядом с ней ты выглядишь дерганым и более агрессивным, чем требует ситуация. Все слишком уж очевидно. – Давняя подруга встала рядом, многозначительно уставившись туда, куда он только что бестолково пялился.

– Я бы спросил, что же такого тебе очевидно, да боюсь, услышу глупость, – огрызнулся мужчина.

– Я глупая? – спросила Крылатая с мягкой протяжностью, и Крорр вряд ли смог бы точно сказать, шутливая или самая настоящая угроза прозвучала в ее голосе. Женщины! Мать всех драконов, разве нельзя было сотворить их более простыми и понятными?

– Обычно нет, но не сейчас, когда пытаешься делать бредовые выводы о моих несуществующих эмоциях относительно Войт, – ответил он, как ему показалось, примирительно. – Даже если бы я был таким же бестолковым, как Рилейф и Заар, и заводил себе человеческих любовниц, то эта злобная фурия все равно не имела бы шансов привлечь меня.

И вообще, сначала – предложение сменить тактику в отношении всех этих уголовников и отморожков на более дружественную, пока нет прямого неповиновения, теперь вот это... Что не так стало внезапно с головами у его друзей и сослуживцев? Какого черта он должен хотеть дружить с подчиненными? Что за идиотские заигрывания, попытки постигнуть душевную организацию там, где лишь нужно жестко и бескомпромиссно насаждать дисциплину и беспрекословное подчинение? Командиров должны не только бояться, но и любить?! Чуть! Разве их самих так воспитывали? И разве от этого они не восхищались своими наставниками и не готовы были по их приказу хоть голову на алтарь положить?

– Ну, допустим, я почти уверена, что нарочно она бы этого делать ни за что не стала, – продолжила Илэш совершенно неуместную сейчас тему. – И что плохого в человеческих любовниках?

– Связываться с ними – неправильно, – рубанул ладонью Крорр по воздуху. – Слишком уж легко. Пресно. Да и в чем смысл?

Илэш рассмеялась, слегка толкнув Бронзового в плечо и нахально погладив крыло кончиками пальцев, заставляя мужчину вздрогнуть и немного отшатнуться, и явно обращая его внимание на то, что эти части тела продолжали поддрагивать и вести себя беспокойно, игнорируя его попытку продемонстрировать полное безразличие к теме. Впрочем, не они одни игнорировали приказы мозга.

– Да откуда тебе знать, каково это на вкус, если ты никогда не пробовал с людьми? А в том, что легко, я тоже не вижу проблемы. Они мгновенно вспыхивают, горячи и отчаянны в постели, безумно отзывчивы...

– На магию наших крыльев – я в курсе, – желчно прервал ее ликтор.

– На магию крыльев, да.

– Говорю же – это слишком просто и неестественно. Магия есть – они тебя желают до безумия. Действие закончилось – и где же вся страсть?

– Ну так в том-то и прелесть, Ро! Легко сошлись – легко разошлись. Немного жаркого, безумного секса ради самого секса. Когда у тебя в последний раз был такой?

– С тобой, – рыкнул он через плечо, отчаянно желая прекратить этот разговор.

– О-о-о, нет, – почти пропела Илэш, качая головой, – со мной ты пытался строить серьезные отношения, втянуть в обязательства. А все потому, что был уверен, что многолетняя дружба – хорошая основа для правильного брака.

– Я все еще в этом уверен, – ответил он, впрочем, не так убежденно, как прежде. Зачем вообще поминать всю эту старину?

– Мы никогда не загорались друг для друга, Ро. Я в принципе никогда не видела, чтобы ты хоть для кого-то загорался. До появления этой девчонки.

Впервые в жизни ему захотелось закатить глаза. Спор с женщиной – ну что за глупость? Почему он просто не развернется и не уйдет отсюда? Потому что бегать от чего бы то ни было не его путь. Но, кажется, он уже готов рассмотреть поправки к этому основному постулату собственной жизни.

– Так, думаю на сегодня довольно твоих бредовых гипотез, Илэш. Посуди сама: разве эта Войт – женщина в полном смысле слова, чтобы заинтересовать меня как мужчину? Злобная, агрессивная, смотрит на мир так, словно избирает все время новую жертву для своей псевдо-великой мести всем плохим, на ее взгляд, людям. Она почти чокнутая, жестокая убийца.

– Совершенно верно, – довольно мурлыкнула Красная. – А еще она потрясающе красива за всем этим фасадом жесткой стервы, и под ее кожей живое пламя, что искушает постоянно желать выпустить его наружу. И не ври мне, что ты этого в упор не замечаешь, что это не дразнит тебя с первой же секунды. Даже я испытываю навязчивое желание добраться до ее огня.

Гнев и отвращение снова были похожи на молниеносный всепоглощающий импульс, жаркий всполох, что облизал все его тело и нервы, заставив напрячься.

– Прекрати, мне не нужно столько лишней информации о твоих извращенных мыслишках и наклонностях, – раздраженно процедил Крорр сквозь зубы.

Илэш рассмеялась открыто, тем самым низким грудным смехом уверенной женщины, который когда-то заставлял его волноваться. Волноваться, а не то впадать в растерянность, то вскипать от гнева. По крайней мере, до последнего момента, пока не решила указать ему на то, чего нет. Чего не должно и не может быть.

– Вот почему у нас никогда ничего не вышло бы, Ро. Ты бы всегда старался меня обуздать и исправить, – вздохнула она без малейшего сожаления. Да уж, Илэш никогда и не пыталась притвориться, что хоть немного грустила и о том, что они когда-то были вместе, и о том, что разошлись. Ее девиз «легко сошлись – легко разошлись» в действии, никакого лицемерия. Может, поэтому они смогли сохранить дружбу?

– Почему бы нам не закрыть тему нашего прошлого и моей текущей личной жизни? – посмотрев в небо, предложил Крорр.

– С прошлым – согласна, – легко согласилась Илэш, но при этом обошла и встала прямо перед ним, глядя в лицо решительно, – но как твой друг я все же буду настаивать, чтобы ты был честен с собой. Если влечение твой драконьей сущности пробудилось, то, отрицая это, ты наживешь проблем с контролем.

– С моим контролем все прекрасно! – окончательно разозлившись, Крорр двинулся внутрь здания. Все же он убегал, и как же это постыдно, но не орать же на нее и не ссориться открыто, в самом деле. Однако подруга не отставала.

– Сопротивляясь, ты можешь создать для себя Пиро из Войт, мне ли тебе говорить о столь очевидных вещах, – упрямо долбила она его бедный мозг.

– Я не верю в эту чушь! – нарочито насмешливо отмахнулся Бронзовый. – Не существует никаких Пиро, Илэш! Если бы они не были выдумкой древних, то ты должна была стать такой для меня! Слишком долго я хотел, чтобы мы были вместе!

– Этого хотел практичный и рассудительный человек в тебе, Ро. – Ну когда она уже устанет возражать и уймется! – Мы были прекрасной парой, с точки зрения твоей логики. Это не было страстью и влечением, которое я вижу в тебе сейчас.

– Чего ты вцепилась в меня? – не выдержав ее мозгоклюйской атаки, ликтор развернулся. – Я должен признаться, что испытываю вожделение к Войт?

– Можно и с этого начать.

– Смысл? Это похоть. Даже настоящим влечением не назовешь.

– Тогда с чего ты так упорно ей сопротивляешься?

– О, то есть я должен воспользоваться моментом, пока магия крыльев сносит ей крышу и переспать с ней? С социопаткой, убийцей и моей подопечной. Чрезвычайно профессионально, не находишь? Между прочим, кто-то из вас троих помнит, что мы тут на задании, а не в развлекательном секс-туре?

– Ро, ты никогда не изменишься, да? Всегда только либо черное, либо белое? – вздохнула Илэш, смиряясь и отставая от него. – В мире есть и другие цвета и оттенки, знаешь?

Он знал. Теперь. К сожалению. Например, масса вариаций красного в последние дни, и они напрямую были связаны все с той же проклятой Войт. Сначала непонятная вспышка теплого красно-оранжевого в зале Даров, пробудившая в нем необъяснимое любопытство. Она стояла к нему спиной, одетая в такую же безобразную обвисшую ядовито-желтую робу, как и все вокруг, и Крорр не мог увидеть лица, лишь жуткие синие волосы в косе и очертания изящной шеи. А еще позу. Она будто ждала нападения сразу и отовсюду, одновременно готовая и уйти в глухую оборону, и стремительно атаковать. Он мог обойти ее, мог приказать убраться с дороги, но крыло дернулось тогда, будто само собой, толкая ее в бронзовую зону. Первый раз с тех времен, как он научился владеть своими крыльями в совершенстве, произошло нечто подобное. Как оказалось, первый, но не последний. Это безобразие с цветовыми фокусами и своеволием частей собственного тела стало проявляться с завидным постоянством, стоило Войт попасть в поле его зрения. Естественно, это не могло не выводить Крорра из себя. Кому бы такое понравилось? Пульсирующие волны насыщенного темно-розового, окружающие ее обнаженное тело в общем душе и против воли притягивающие его внимание, резко становившиеся почти коралловыми, когда озабоченные юнцы-уголовники пялились на нее слишком пристально, излучая флюиды чистой похоти. Пелена настоящего кровавого, пока он камнем несся вниз, наблюдая за стычкой Войт и Зенки, которая отхлынула лишь в тот момент, как настоящая кровь агрессора окрасила его клинок. Кокон цвета переливчатого пламени, окруживший девушку в его ванной, в то время как он стоял и пялился, неожиданно утратив способность двигаться и четко мыслить, и боролся с иррациональной потребностью коснуться его рукой или даже окутать крыльями, чтобы узнать, согреет или обожжет. Но хуже всего была та тяжелая, почти непроглядная и удушливая завеса яростно-багрового, что накрыла от вида чужого мужского тела поверх ее. Губы на губах, его руки удерживают неподвижно ее запястья, ноги раздвинуты, ни миллиметра пространства между ними... Точно, как в том сне-наваждении Крорра, где он сам распростер обнаженную Войт на своей постели, обездвигив руки над головой, терзая ее рот свирепыми поцелуями и вколачиваясь в нее с такой одержимостью, точно карал за что-то, а не гнал обоих к опустошающему наслаждению. И в том видении она выгибалась так, что почти сбрасывала с себя в ответном страстном безумии, резко толкала свои бедра ему навстречу, вдавливала пятки в поясницу, прищипывая, требуя, требуя больше и сильнее. Кусала его губы, рычала и протяжно стонала в его рот, отчаянно пыталась вырвать руки из его хватки, подстегивая этим его неестественное возбуждение еще больше. Очнулся Крорр от того краткого сна весь в поту, с ломотой в напряженных до предела мышцах, словно

и правда от дикого постельного марафона, и пульсирующей тягучей болью в паху. Встав под ледяной душ, подумал, что нахождение рядом со всеми этими отморозками, насильниками, похоже, сродни какому-то особенно заразному вирусу и нужно лучше контролировать себя. Никогда он не позволял себе никакой дикости с партнершами в постели. Никогда даже не фантазировал о чем-то таком. Тело женщины, делящей с тобой постель, пусть и без любви, просто ради удовольствия и снятия напряжения, нужно почти боготворить, изнуря долгой изошренной лаской, а не таранить и рвать, подобно ошалевшему от вождения животному. Секс – действие, несущее освобождение и умиротворение, требующее чуткости и внимания к ощущениям партнера, а вовсе не оголтелое сражение сшибающихся будто в смертельном поединке самца и самки. Что же, тут Илэш права: Войт – это живое разрушительное пламя, способное без труда пожрать контроль кого-то более слабого, но не Бронзового ликтора, конечно. Стоит признать это и даже изучить, как он всегда досконально изучал своих врагов. Как только Крорру станет понятна природа ее странного воздействия на него и не только, то справиться с проблемой будет гораздо проще. А пока ему нужна от нее дистанция. Чем пристальней он всматривается в Войт, тем больше закичивается на своей неправильной реакции на нее, а значит, видит не всю картину, а лишь то самое раздражающее и отвлекающее переменчивое пламя. И тем больше закрывается и напрягается сама злобная девица, повинувшись своим зверским инстинктам. Как только он внушит ей, что больше не следит за ней пристально, она переключится на защиту от кого-то или чего-то другого, и тогда можно будет добраться до сути с позиции логики. Это план ему понравился.

Глава 16

– О, Войт! Как ты? – Хильда была единственной, кто открыто улыбнулся при моем появлении, остальные смотрели мрачно, а то и откровенно враждебно. Как будто это могло мне испортить аппетит.

Ответила волчице неопределенным пожатием плеч. У меня от запаха пищи свело желудок и ноги ослабли, и чувствовала я себя дико уставшей, но не радовать же этими новостями злобно пялящихся на меня одноклассников.

– За какие такие заслуги ей уже позволено есть? – подала голос шлюшка Картер, пронзая меня ненавистным взглядом. – Что, уже небось обслужила командира ради поблажек?

Я не собиралась хоть как-то реагировать на ее выпад, пусть сама глотает свой яд, не достигший цели. У меня в планах подкрепиться кое-чем более питательным. Хильда резко повернулась к ней, явно намереваясь отчитать, но ее опередил тот самый дерзкий парень, Рамос, который схлопотал у ликтора физическое внушение за отказ от дежурства по столовой.

– Захлопнись, дешевка лупоглазая, – рыкнул он, – не равняй всех по себе. Это только такие, как ты, поблажки, стоя на коленях или лежа на спине, зарабатывают.

– Да кто ты такой, чтобы меня затыкать? – тут же переключилась она на него, сразу переходя на почти змеиное шипение.

Что за проблема у этой смазливой куклы? Банальный недотрах, шуточки о котором так любят отпускать мужики? Неужто можно настолько идти на поводу у животных инстинктов? Алле, Летти, не торопись осуждать кого-то, если сама каких-то десять минут назад едва могла стоять на трясущихся ногах рядом с Бронзовым и чуть ли не готова была лечь под него, прямо посреди того двора, продлись наш контакт чуть подольше. Единственное мне оправдание – странное воздействие ликторского запаха и этих гребаных потрясающих крыльев. А у этой Мелинды какое? А, вообще-то, по хрен!

– Я тот, кому ты вчера предложила свою задницу, но у меня, в отличие от дебила Зенски, хватило мозгов отказаться, – презрительно скривился Рамос, пока я торопливо продолжала закидываться едой, внимательно, однако, наблюдая за происходящим. – Как, впрочем, и каждому обладателю члена за этим столом. Придется тебе чисто своими пальцами обходиться, пока не найдешь такого дурня, что готов будет башкой рискнуть ради перепиха.

– Это потому что вы все трусливые ублюдки, а не мужики! – выплюнула Картер и повернулась ко мне с искаженным от гнева лицом: – А все из-за тебя, дрянь долбанутая!

Я просто жевала, игнорируя ее расчленяющий взгляд, поддерживая маску полнейшего безразличия, хотя мысленно досадовала на собственную глупость и неудачливость. Иметь во врагах одну, пусть и не очень умную, но хитрую и готовую на все бабу – намного хуже, чем даже несколько сильных и опасных мужиков. Поганенько, и нужно еще поразмыслить, как от нее избавиться или хоть переключить ее злобу на кого-то другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.